Он – Форс

Автор:
Вероника Мелан

Он – Форс

Вероника Мелан

«В ее обществе изымают за грех. Девенторы – существа иного порядка, лавирующие на улицах, вызывают у людей ненависть, отторжение и страх. Но радость можно обрести даже в сложном социальном устройстве. Когда Вилора Эштон встречает парня «на миллион», она, не задумываясь, оставляет за спиной старую жизнь, ведь ее новый знакомый – Крейден – это «10 из 10». Он красив, харизматичен, привлекателен, умен, силен и надежен. С ним она чувствует себя как за каменной стеной, с ним ей хочется прожить до старости. Она к этому готова. Вот только как быть, когда в гости является шантажист и сообщает, что Крейден – Девентор? Выбрать логику и общество, исходящее к карателям ненавистью? Или же стать командой тому, за связь с кем люди готовы растерзать тебя прямо на улице?»

Вероника Мелан

Он – Форс

Пояснение: Девенторы – специальный класс карателей, мужчины с исключительно высокой чувствительностью и восприятием человеческой энергии. Сквозь глаза они смотрят в душу, проверяя в ней процент греха. Если он приближается к критической отметке, человек изымается из социума, если превышает ее, уничтожается на месте.

Глава 1

Хочешь бежать – беги!

Только себе не лги,

Что не горишь огнем,

Взгляд задержав на нем.

Плавишься как свеча,

Думаешь по ночам.

Не удержать уже

Чувства на рубеже.

Дальше – с обрыва вниз,

Проигрыш или приз.

Только бы не назад,

В свой персональный ад.

Кто мы: друзья? враги?

Хочешь бежать – беги!

Крепко прижмусь к плечу:

«Знаешь, я не хочу…»

Марина Яныкина

«Не знаю, кто из нас перепутал той ночью комнату, но это и неважно…»

Из воспоминаний Ви

Мне много чего не стоило. Работать последние две недели на износ, забывать отдыхать, идти накануне вечером с Лелькой в кафе, слушать ее убедительные фразы о том, что «мне срочно нужно расслабиться». А после звонить Итану, врать ему о том, что на ночь я останусь у подруги, ехать в совершенно незнакомый особняк, так много пить…

Но отдых и правда был нужен.

Он удался. Отчаянно вкусная «маргарита», неожиданно удачная музыка, заводной контингент на танцполе, подходящее настроение – я веселилась, как не делала этого уже сто лет. Просто позволила себе стать вдруг свободной и развязной, как когда-то давно, еще до Итана, до ненужной мне самой «взрослости» и серьезности, какая приходит, когда ты вдруг зачем-то решаешь стать важным и правильным.

Удалось все.

Вот только, кто именно показывал мне комнату для сна и провожал в нее, я не помню. Может, никто не провожал? Но кровать, когда я, с кружащейся от алкоголя и неуемной веселости головой, ввалилась в спальню, точно была пустой. Я проверила, пока ворочалась на ней, пытаясь отыскать при «вертолете» позу поудобнее.

А теперь меня кто-то гладил. Когда на дворе глухая ночь, когда темно.

Непозволительно долго я верила, что это мой сон. Мне часто снятся такие – плотные, – в которых руки и чувства натуральные, из глубины которых на поверхность – самоубийство. Но этот задевал сенсоры, о наличии которых во сне не помнишь: водил пальцами по бедру, гладил живот, постепенно подбирался к лобку, уже почему-то ждущему на себе чужую руку. Сколько времени я в этом дурмане тону? В промежность, в ту самую ее точку, откуда исходит самый жар, в сжатые пока складочки мне упиралось очевидное доказательство совершенной не эфемерности происходящего – об меня терлись головкой члена. Большого. За спиной чья-то мощная грудь, тяжесть чужих бицепсов поверх моей руки, прикосновения нежные, шелковистые. Незнакомец, ощущавшийся мне все более натуральным, вероятно, ждал, когда я проснусь – не желал пользоваться преимуществом, хотел чувствовать полноценный отклик.

И я дернулась, когда поняла, что больше не сплю, что все реально. Я в темной спальне с задернутыми шторами (вокруг тьма, хоть глаз выколи), а позади меня лежит большой, напряженный и горячий мужчина. Но ни вскрикнуть, ни подняться мне не дали.

– Тихо, тихо…

Перевернули под себя, зажали рот ладонью – плотно, но не страшно, не опасно, – отпустили быстро, спустя пару секунд.

– Я уже слишком горячий, чтобы отпускать тебя просто так. Понимаешь?

Я понимала. И беда заключалась в том, насколько умопомрачительно он пах. Есть такие запахи, которые бьют в самую точку, снимают сигнализацию, заставляют тебя самостоятельно расстегнуть все пуговицы.

– Я буду нежным и дальше. Ладно?

Очень простой вопрос. С очень большим подвохом. Когда меня коснулись его губы, и случился этот невесомый, обманчиво легкий, почти ни к чему не обязывающий поцелуй, я поняла все сразу. Первое, что я отдамся этому типу, просто не смогу ему противостоять. Еще ничья кожа на моей памяти не заставляла меня желать уткнуться в нее носом, вдыхать, втягивать, тонуть в чужом запахе. Аромат, нот которого я не знала, сводил с ума. Второе: этот тип умел быть жестким. Он умел вязать, принуждать, получать и брать все, что ему захочется, – одно лишь понимание этого сработало для моего возбуждения стопроцентно. Иногда не нужно доставать нож и приставлять его к горлу, достаточно лишь дать понять, что он есть в ножнах. Дать увидеть отблеск стального лезвия.

А сейчас мой «друг» был расслаблен. Ему все нравилось, и напрягаться он не хотел, хотя трансформация могла быть мгновенной. Я же лежала под ним не трепыхаясь, и он неторопливо делал то, что намеревался с самого начала – он в меня погружался. Очень медленно, по миллиметру. Я же держала свои руки на чужих сильных плечах и не понимала, мне его притягивать или отталкивать?

«У меня Итан…»

«У меня Итан…»

Но когда еще… кто-то будет так пахнуть? К тому же уже поздно. Рассказывать своему парню о том, что в тебя кто-то погрузился «на шишечку» или «до конца» – разницы уже никакой.

А этот вторгался умопомрачительно. Как будто его всегда там ждали, как будто мое тело всегда было заточено именно под этого мужчину, просто я – глупая – об этом не знала. Вот он во мне на полную, и понимание – теперь плевать. Если уж случилось, я тоже хотела испить это до самого дна. Не Лелька ли говорила, что мне нужно отдохнуть?

Он трахался, как бог.

Он что-то творил со мной – не с моей «физикой», но с моей головой. Двигался на мне и во мне, распластывал меня по кровати; он был тяжел, он был красив в каждом движении. Есть такие моменты, когда думать уже все равно не получается, и я позволяла ему все – поцелуи, сделавшиеся требующими, наглыми, нашу синхронность, позволяла ему врубаться в себя, стать ему моим собственным часовым механизмом, заведенным на работающий поршень. Он не просто меня возбуждал, он снес мне башню, оголил инстинкты, заставил скулить, ждать развязки, просить ее, тянуть его к себе – шею, спину, ягодицы…

И я разрядилась первой. Содрогалась, кусая губы, ощущая сквозь все тело идущие спазмы – я умирала под ним, рождалась заново, чувствовала на веках слезы от «передозировки» сильными эмоциями, я все никак не могла перестать конвульсировать…

А он вдыхал каждый мой вздох. Этот чертов «насильник», получивший все даром, впитывал меня, как самые сладкие волны, как свой десерт, как бесконечно желанную награду.

– Какая ты… чудесная.

Ой, не надо шепотом. Еще этот хриплый голос.

Он непостижимым образом впитывал меня в себя, улавливал до микрограмма и микровздоха, как будто играл со мной одну на двоих симфонию, и тем самым возбуждал мою голову еще сильнее уже после оргазма.

Невозможный тип, превративший меня в желе.

– Все…

– Нет, не все.

Нужно было начать мыслить и заговорить о том, чтобы гость шел к себе в спальню, но мне не дали даже рта раскрыть. Перекатились на бок, обняли, погладили по лицу.

– Твоя энергия, как доза. Очень вкусная.

Я слышала о мужчинах, способных видеть и чувствовать чужой оргазм в чистом, неизмененном виде, но ни разу таких не встречала. Похоже, встретила. Потому что этот оголил меня, развернул из множества лепестков, как солнце, и теперь заряжал моими лучами свою батарею. Да так очевидно, что башня моя падала все дальше.

Спрашивать о том, что он делает в моей постели, уже бессмысленно. И неважно. Все уже случилось, теперь желательно просто молчать, не выдавать свой голос и вообще себя – утром разойдемся не познакомившись.

– Переживаешь?

Слова с улыбкой, с издевкой, с таким сексуальным флером, который уже знает, что самое жаркое еще впереди. Ну да, сам он не кончил.

«У меня Итан…» – какая несвоевременная мысль.

И как можно так чертовски привлекательно пахнуть?

Я не сразу поняла, что рука, лежащая на моем затылке, вовсе не просто так там лежит, и что выпускать меня она не собирается.

– Поцелуй меня, – вдруг послышалось. Тон спокойный, расслабленный – почти не приказ. Некоторым не нужно повышать голос или быть напористыми, чтобы их слушали. Мой незнакомец был из таких. – Поцелуй меня так, как будто любишь. Хочу почувствовать.

Наверное, он был психом. Или просто наглым, но поцеловать его мне хотелось. И я подумала – какого черта? Один раз живем. Когда еще со мной в постели случится тот, от которого не захочется отлипать? Да, я выпила накануне, но подозревала, что дело вовсе не в этом.

– Давай…

Голос нежный, дерзкий, зовущий. И я позволила себе в это упасть, поиграть и заиграться в вымышленный сценарий о том, что я «так сильно его люблю, я до беспамятства соскучилась, что просто жить не могу без касаний…».

Целовала я его исступленно, пила и не могла напиться. Меня оторвали почти насильно. И лишь для того, чтобы заявить:

– А мне нравится.

«Ты попала».

Я попала уже давно, когда не сразу сообразила, что все это не сон.

С моей стороны тишина, молчание. Не будет ему ни моего голоса, ни моей внешности, ничего. Ночь пасмурная, облачная, шторы в комнате закрыты, поэтому он не разглядит ничего.

– Молчишь? Не желаешь, чтобы я тебя слышал?

Проницательно.

– Тогда давай я этим воспользуюсь…

И меня перевернули на живот. Навалились сверху, откинули волосы с шеи, чтобы поцеловать. А о скользкую промежность трется все тот же неугомонный член, трется, дразнит, но не входит. И вдруг – направляющее движение рукой и головка уперлась… Нет, не туда, куда должна была, – в попку.

– Нет, – я всхрипнула.

– Молчи. Ты же выбрала молчать.

Он улыбался. Он был слишком дерзким, чтобы ему противиться, но – в анус?

– Не надо…

– Тихо, тсс…

И сам же прикрыл мне губы ладонью, навалился тяжело, но не вошел до конца, не сделал больно, приоткрыл вход только чуть-чуть.

– Давай… Совсем маленько…

Он кайфовал до очевидного сильно. Аккуратно надавливал, разминал, растягивал. Когда почувствовал, что его «пропустило», не стал доминировать, остался чрезвычайно нежным, и это меня добило. Вновь снесло какую-то внутреннюю перегородку. Я не из тех, кто умеет хвастать «мультиоргазмами» или легкой доводимостью «до максимума», но этот жал верные кнопки. Он всаживался в мою попку одной головкой – заходил и выскальзывал, – а ладонью пробрался мне под живот, нащупал клитор, сделался для него невесомой массирующей частью. Он превратил меня в нечто совершенно податливое, в единый ком сладко-напряженных нервов и мольбы, в кого-то изначально сдавшегося.

– Давай, – шептал тихо, творя бесчинства, – я хочу почувствовать это снова…

Он точно был из тех, кто ощущает иначе. Ему мои спазмы, стоны – еда и вода, чистая энергия. Наркота.

Я могла просить – не надо, не делай! Но все слишком поздно – мое тело уже трясется, конвульсирует лоно, в глазах снова слезы, в голове ноль целых и ноль десятых мыслей. Моим очередным оргазмом он упивался, как первым блюдом, вторым и компотом. Я уже была влюблена в того, кого не видела, и его же ненавидела за умение так отлажено на мне играть.

И он снова не кончил сам.

Но теперь-то все?

Только теперь он обнимал. Очень тепло, очень близко, до сих пор дышал мной, выдыхал, впитывал опять. И все очевиднее становилось – ему нравится. Уже слишком глубоко нравится, не на одну ночь. А мне нельзя. Тот, кто пробрался ко мне в постель, – не обычный мужчина. И суть не в том, что он развит или накачан, а в том, что секс с ним и с обычным человеком, все равно что лапша по-флотски или паста с вином и моллюсками.

– Я балдею от тебя.

Я это знала. Чувствовала.

– Как тебя зовут?

Ну уж нет. Я уже позволила себе столько, сколько совсем не планировала, когда отправлялась вчера на такси в чужой дом. И потому тишина.

– Не скажешь?

– Нет.

– Я запомню тебя.

Молчать становилось все сложнее.

– Мы проснемся с утра, позавтракаем, я принесу тебе кофе в постель. И познакомимся, как люди.

– Нет. Я исчезну утром. Испарюсь еще до рассвета, а после… сменю внешность.

Я блефовала, конечно, насчет внешности, дразнилась и одновременно выказывала разочарование от себя самой – я очень быстро ему сдалась. Вновь не повторится.

– Любишь сложности? Хорошо. Я найду. Потому что я тебя запомнил… Вот это…

И его рука провела по моему бедру.

– Это…

По животу.

– Это…

Сжала грудь.

– Не вздумай ставить импланты или сдувать. Она мне нравится именно такой.

Он воспринял мои слова всерьез?

– К тому же я найду тебя по запаху.

Теперь незнакомец улыбался. Черт, я все отчетливее чувствовала, что он опасен. Он, как нейронный коллайдер, прибор, к которому лучше не приближаться, если ты не физик-ядерщик.

– А что… если я страшная? Или серая мышь?

Улыбка сочилась сквозь тьму.

– Думаешь, я смотрю так неглубоко?

Я именно этого и боялась, что он уже увидел и ощутил больше, чем достаточно. Беда, если ему теперь наплевать на мою внешность, хотя не так уж она плоха.

– Я… не могу.

Он опять поднялся надо мной, перевернув на спину, подмяв под себя. Боже, кажется, он мог творить это со мной всю ночь напролет, и я просто буду ему «давать». И это слово включало в себя куда больше «разрешения на вход».

– Не можешь что?

Я вся влажная, скользкая, усталая.

– Мне… нельзя.

С этим типом лучше быть правдивой. Без ложных надежд.

– Почему?

– У меня…

– Есть парень?

– Да. Есть.

Вот и призналась.

А в ответ все та же улыбка. Ни осуждения, ни удивления.

Молчание. А после чужая фраза, заставившая мой стыд раза в два усилиться.

– Не повезло ему, правда?

Накрыло чувство вины.

– Со мной?

Горячий палец погладил меня по щеке.

– Со мной.

Улыбка стала шире.

Боже, я действительно встряла.

– Нет…

– Да.

Этот найдет. Этот не на ночь пришел.

– Даже не думай.

– Я уже подумал.

И он снова в меня вошел. Знал, что я уставшая, потому не стал двигаться, просто зарезервировал пространство. Навалился, поцеловал. Дал понять, что позволит спать, будет просто обнимать, останется рядом. Очень тесно.

Не знаю, что опять сработало. Сил не было, а желание осталось.

Я сбегу утром, сбегу так далеко, как смогу, но еще не рассвет…

– Хочу тебя, – вдруг притянула его к себе, как будто ни разу до этого не пробовала. – Хочу до умопомрачения.

Незнакомец задвигался одновременно с выдохом в мои губы.

– Желаешь, чтобы после этого я отпустил тебя?

После того как все закончилось, какое-то время спустя он лежал абсолютно расслабленный. Что-то в этом есть, когда такая груда мышц растекается после хорошего секса, когда мужчина «накормлен», удовлетворен до последнего

микрона. Доволен, умиротворен, сыт.

По моим бедрам текла его сперма.

Я уже засыпала, когда услышала шепот со стороны затылка:

– Хочешь бежать? Беги… Я очень. Хорошо. Умею искать.

И я провалилась в сон, чувствуя невозможное – я продолжаю его хотеть.

Глава 2

Это очень опасно, когда ты желаешь кого-то настолько сильно, что теряешь и голову, и логику. Когда становишься готов резко и в непонятную сторону изменить свою жизнь – уйти с работы, наговорить глупостей человеку, с которым прожил три года, промычать на замечание друзей о твоем сумасшествии что-то невнятное, но очень похожее на «да идите вы!» или, может, «нет, вам показалось, со мной все в порядке».

Со мной было не в порядке.

И оттого моя чуйка работала безотказно.

«Если я увижу его, пойму, что в довесок ко всему таинственный незнакомец красив внешне, это будет конец». По крайней мере, конец одного из стабильных периодов моей неплохой на данный момент жизни. Я не изменщица и не «слаба на передок», но удивительно сильная химия, возникшая той ночью, могла быстро зарыть в землю остатки моей рассудительности.

И потому три дня после вечеринки я провела вне города.

А еще три дня после не появлялась на работе, благо без меня давно справляться умели. К тому же на этой неделе нам не завезли новых байков, а я была тем, кто их проверял. Да, вот такая у меня необычная профессия, я – тестер горных

велосипедов. Тот, кто гоняет на них по сложным маршрутам, иногда при полной защите валится в обрыв, после снимает показания датчиков с тормозов, подвески и рессор. Характер у меня стрессоустойчивый, но с определенного момента мне начало казаться, что я впервые в жизни валюсь в пропасть без защиты…

Итан не понимал, что творится. Слышал мои невнятные ответы на звонки коллегам по работе о мнимой простуде, внимательно на меня смотрел, спрашивал, не сходить ли в аптеку. Но я лишь качала головой, часами просиживала за ноутбуком, искала максимально отвлекающие меня от дум факторы – музыку, сериалы, фильмы. В общем, крэп. Чувствовала на себе обеспокоенные взгляды того, с кем жила; ела мало, не готовила, больше молчала.

Он был хорошим, мой Итан. Тем, кого я вопреки воле своего влиятельного отца выбрала сама. Отказалась от больших связей финансового директора «ТриЭйКорп» Ричарда Эштона – моего бати (как я могла?), – от выгодной свадьбы с одним из его партнеров, от сытой должности заместителя. Зачем-то обратила внимание на обычного продавца спорттоваров – не особенно красивого, высокого или образованного, – на просто хорошего парня.

«Ни о чем» – так отзывался о нем мой отец. Но денег избалованную меня не лишил, и на том спасибо.

Да, мой «сожитель» не блистал раскачанной фигурой. Он был среднего роста и телосложения, чуть выше меня, с темной густой шевелюрой, с аккуратной двухмиллиметровой щетиной, в очках на минус. Он был надежным, стабильным, простым, в чем-то милым. С таким не познать острых граней жизни, не вкусить запретных наслаждений, о которых после будешь жалеть, не воспарить до седьмого неба, но с ним можно было прожить до старости. И всегда рядом тот, кто знает, какой кофе ты любишь, чувствует, когда лучше промолчать, а когда настоять на «поделиться мыслями», умеет создать вокруг комфорт и ту самую «гавань».

По крайней мере, так мне казалось до этого.

А теперь я не могла заставить себя пойти с ним одновременно в постель. Сидела до двух ночи, прикидывалась занятой или же просто усталой, пряталась внутри

створок внезапно захлопнувшейся для него раковины.

И к концу третьего дня Итан не выдержал, устал ощущать неладное.

– Давай я приготовлю нам ужин?

Он по моей вине остался без завтрака и без нормального обеда – вдохновения готовить я не находила, – теперь желал съесть хотя бы чего-то горячего, если уж не вкусного.

– Только продуктов нет…

Хлопнула дверца холодильника.

– Я схожу, – вдруг зачем-то вызвалась я, ощутив, что уже не могу сидеть в четырех стенах. Прошло шесть дней. Шесть. Любой бы сдался. На дворе вечер, мне просто хочется свежего воздуха. – И приготовлю нам что-нибудь.

– Да? – Мой парень ожил. – Сейчас дам денег…

– Не нужно, у меня есть.

Он не любил мое богатое «положение» по праву рождения, но терпел его молча, неприязни не выказывал. И я была ему благодарна.

Улица пахла, как и должна была, – свободой. Сыроватым асфальтом, прелым, тяжеловатым от влажности, но таким вкусным воздухом, далеким неоном клубов, грехом. Одна квартира-клетка осталась позади, но куда сильнее я боялась выпустить себя из другой – внутренней.

Что же я желаю приготовить? Ничего. Просто гулять, просто шагать без направления, проветрить голову. Я соскучилась по байкам, по крутым спускам, по адреналину. Без его постоянного нахождения в моей крови жизнь делалась пресной, а нервы ни к черту.

Думала, дойду до супермаркета позже – Итан, если задержусь, привычно перебьется бутербродами, – но совершенно не ожидала того, что случится дальше.

И того, как именно оно случится.

Когда в криминальных боевиках показывают резко затормозившую рядом машину, твое сердце бьется от беспокойного и восторженного предвкушения разворота сюжета. Когда черная машина резко тормозит с тобой рядом наяву, хочется только одного – бежать.

Но убежать я не успела.

И почти не успела издать громких звуков и оказать сопротивления.

Внутрь меня запихнули, зажав рот ладонью, и чудом не ударив башкой о кузов над дверцей.

Я не из робких. Постоянный спорт, секции по кикбоксингу – непрофессиональные, но все же, – частое посещение мастер-классов по обороне, тир, бассейн. Я любила всякую активность – она закаляла мозг и дух, но, глядя на тех, кто сидел со мной рядом, я не решилась ни кричать, ни даже задавать лишних вопросов, не говоря о попытке вырваться.

Я притихла, потому что гранитные морды выглядели слишком спокойными, а поведение и позы выдавало в моих сопровождающих бывших или настоящих военных. Им не хватало только формы.

Было страшно. И хотелось истерить.

Но я держалась, подозревая, что скоро многое прояснится.

* * *

– Последняя…

Меня втолкнули в просторную гостиную особняка, где уже, выстроившись в шеренгу, стояли пять девушек. Пристроили сбоку слева. Напуганность, скулеж; кто-то просил: «Отпустите, у меня дети…»

И все моментально стало ясно.

Все.

Я отчаянно боялась этого момента – увидеть его воочию. Своего ночного гостя. И шесть суток молилась, чтобы тогда, когда (если) это случится, он оказался некрасивым. Пусть не страшным, но чем-то несуразным, неправильным для меня, в общем, «не моим». Ведь это так просто – иметь в лице неприятные для взгляда черты: слишком длинный нос, например, или глубоко посаженные глаза. Идиотский абрис лица, «никакой» рот, торчащие уши, не ту форму лба, затылок…

Но этот…

Я проваливалась в полное дерьмо, в дурман… Этот оказался правильным. Не моделью, но очень красивым мужчиной. Глаза серьезные, серые, взгляд жесткий, рот тоже. И при этом сексуальный. Рост «обними и держи меня, мама», разворот плеч впечатляющий, мышцы на торсе и руках такие, что моментально вспоминалась наша ночь, вес чужого тела, его размах.

– Шесть дней…

Этот голос я знала – он пробивался в мою подкорку и уже не уходил прочь.

«Почему высокий? Почему как надо?» Если бы я сразу знала, что он выглядит так, то отдалась бы ему тогда еще раз пять подряд. Даже, может, закомплексовала бы насчет своей внешности (не факт, но рядом с таким сложно не желать быть победительницей конкурса красоты).

– Шесть дней назад одна из вас сбежала от меня. И, полагаю, узнала меня сейчас.

Внимательный взгляд, в чем-то игривый и прохладный, заскользил по лицам.

«Я тебя нашел» – слышалось в воздухе. И я обмирала от ощущения полного фиаско – этот бы не сдался ни за шесть дней, ни за шесть лет. Наивная я. Полная дура. А «передок» мой уже выдвигался навстречу, готовый в который раз обогнать логику.

«Я пропаду, если позволю себе это снова. Утону в нем». А клей для сердца никто не придумал.

Его головорезы стояли рядом, присматривали за пойманными. А девчонки, как я заметила теперь, были одного роста и комплекции со мной. Все с длинными волосами, стройные, чем-то похожие. Двух из них я узнала – они были на той злополучной вечеринке. Скорее всего, все были, но я в полумраке не разглядывала девиц.

– Кто ты? Признаешься сама?

Мои соседки переглядывались с надеждой, кусали губы, все как одна были напуганы. Я была тоже, поэтому притворяться не пришлось, но возбуждена и ошарашена внешностью своего знакомого я была больше. Пока это удавалось прятать.

«Солдат? Спортсмен?» Мощная шея вызывала в моем сознании желание коснуться ее губами, поцелуем, совершенно некстати вспоминался вкус губ, и от смеси чувств подгибались ноги. И еще эти три вертикальные точки – татуировка под ухом. Что она означала? Место для укуса вампира? Точки после перерыва продолжались ниже, уходили под рубаху – как выглядит его тату целиком? Расположено на плечах или спине?

«Я пропала».

– Мы пойдем коротким путем…

И неожиданно из-за пояса показался пистолет; спустя секунду дуло уже прижималось к подбородку одной из девчонок. Кто-то зарыдал в голос.

– Выдашь себя, и мы обойдемся без ненужного насилия. Хорошо?

Мне предлагали переговоры.

Трясло от ужаса, оттого что (вдруг? Не может быть, но…) чужой палец нажмет курок. Море крови, полный кошмар. И сквозь собственную панику вдруг пробилась во мне решимость – а пусть так, если мудак. Прострелит кого-то, и это будет на его совести, не на моей. Я же буду точно знать, что этот гад не тот, кто мне нужен, а после его заберут Девенторы. Отыщут быстро, разберутся тихо. И мои чувства уйдут, разбредутся, более им не будет цели для любви.

«Давай!» – подстрекала я мысленно. Разочаруй меня сам, и будет куда проще.

Но спустя долгие десять секунд чужого плача и натянутых нервов растеклась вдруг на лице похитителя улыбка.

– Я знал, что у тебя стальные яйца. Хорошая девочка, сильная.

«Моя».

Он погладил меня по спине без касаний. Спокойно убрал в кобуру пистолет, еще раз осмотрел всех, и всякий раз, когда взгляд добирался до меня, мне казалось – он все уже знает.

Давно, наперед.

А эта улыбка… Ровные зубы, только клычки торчат на пару миллиметров ниже, едва заметно. Очень дерзко, очень сексуально – они делали этого парня особенным. Этих клыков хотелось коснуться языком.

– Хорошо, пойдем путем чуть более длинным, но безошибочным.

Я вдруг подумала, что могу смотреть на него вечно, слушать, просто облизывать взглядом. Что я тупею, когда он рядом. Остальные – адекватные, они просто трясутся, я же, похоже, совершенно не к месту наслаждаюсь чем-то невидимым.

«Он собрал здесь всех на меня похожих…» Еще ни один человек не увлекался мной так «дотошно».

– Начнем с тебя…

А дальше случилось то, чего неадекватная я испугалась куда сильнее пистолета – поцелуй.

Мой «друг» приподнял подбородок самой левой девчонки и коснулся ее губ своими. Отстранился быстро, не прошло и секунды, ровно изрек: «Не то».

Он проверял нас по энергии, по запаху.

– Не она. Отпустить, – приказал своему головорезу.

И взялся за следующую. Поцеловал.

Я закрыла глаза, уже предполагая, что случится, когда очередь дойдет до меня.

– Не та… Отпустить.

Третья…

Я понимала одно – больше деваться некуда. Какие ходы использовать, куда бежать? Он узнает…

– Не она.

Отпущенные убегали со всхлипами. Звенели ремни чужих сумок, шуршала одежда, стучали по мраморному полу каблуки, шуршали кроссовки…

Следующая…

Отстранившись от четвертой, мой демон вдруг посмотрел в мою сторону. Сообщил тихо:

– Хочешь бежать – беги. Тебя поймают, приведут назад.

А в глазах чистое знание, умение ждать, готовность поиграть.

Что-то сработало внутри меня, взорвалась паника – я рванула с места. Двери уже открыты, через них выходили до меня. Главное, быстро… Через газон, к воротам, оттуда на улицу…

– Взять ее, – приказали за спиной. – Вернуть. Остальных отпустить.

Вот он меня и вычислил.

Назад я, несмотря на то, что была снесена с ног, повалялась на траве и была резко поднята, старалась идти с достоинством. Сбросила с себя чертовы руки провожатых – никто не посадит меня на поводок ни сейчас, ни позже. В опустевшую гостиную вернулась как будто сама. Встала перед ним уже в шеренгу из одного человека, посмотрела с вызовом.

Он не должен знать, что под его взглядом во мне все рушится – все принципы, все отлаженные системы, мораль, обещания себе чего-то не делать…

– Вилора Эштон, – представил меня тем временем тот, кто до этого запихнул в машину. – Двадцать три года.

Его отпустили жестом; охранник отступил в тень.

– Ну, здравствуй… Ви.

Голос тихий, вкрадчивый. А тон чуть грустный, разочарованный.

– Ты заставила меня ждать шесть дней.

Он произносил это так, будто то были самые длинные и тяжелые шесть дней в его жизни. Шесть дней, когда он терял на бирже миллионы, потому что смотрел мимо экрана и не жал нужные кнопки на клавиатуре, шесть вечностей, которые

могли быть заполнены «не одиночеством», шесть порванных нитей, шесть бесполезно потерянных веков.

– Расскажешь мне, зачем ты пыталась лишить меня встречи с тобой?

Взгляд глаза в глаза. Он помнил все так же досконально, как и я, он ждал ответа, и мой ответ был ему не нужен.

А я боялась того, что он подойдет ближе, и я опять уловлю знакомый запах.

Что сломается внутри клетка, что кто-то очень несдержанный и необузданный выйдет наружу.

* * *

Другая комната, и мы, наконец, остались одни, из дома исчезли лишние люди – женщины, охранники. По крайней мере, так казалось. Тишина; мы друг напротив друга, тиканье настенных часов, на которых половина десятого вечера. Итан, должно быть, давно съел все бутерброды и обиделся.

– Чего ты от меня хочешь?

Как говорить с тем, кто ведет себя так, будто давно знает меня под кожей? Кому не важны ни имена, ни внешние условия, ни тот факт, что мы встречались лишь однажды, если это вообще можно назвать встречей.

Меня ласкали взглядом, под которым я ощущала себя той самой королевой красоты, которой недавно мечтала стать. Это смущало, это будоражило, это пробуждало желание довериться неожиданно глубоко.

– Чего хочет мужчина от женщины?

Поверхностный вопрос и глубокий.

– Секса?

– Как мелко ты обо мне думаешь.

«Почему с ним каждый шаг – игра?» Как будто поле и клетки, как будто противники, но каждого хода ты ждешь и не можешь дождаться.

– Сколько его должно быть, этого самого секса, чтобы…

«Я перестала думать о тебе». Плыть.

Он чувствовал продолжение недоговоренной фразы. Я все еще пыталась что-то скрыть, мой знакомый мягко наблюдал, как я жалко проваливаю эти попытки.

– Для тех, чья феромоновая совместимость идеальна? Можно вычислить только методом проб.

Нет, я не собиралась. Этот демон слишком умело манил в сети, чтобы в них попасть.

– Я должна…

«Идти».

Он не дал договорить.

– Все еще не можешь поверить, что все то, что здесь происходит, так же сильно нужно тебе, как и мне? Существует только один человек, способный убедить тебя в этом лучше меня.

Какой? Он собирался кого-то позвать?

– Ты сама.

Этот ответ расставил незримые точки над i. Едва уловимое движение тела. Я тут же отпрянула – боялась, что сейчас он шагнет навстречу, что это убьет остатки моего контроля, а все и так слишком шатко.

– Замри, – попросил спокойно. – Просто замри.

Я замерла.

А мой безымянный друг принялся расстегивать пуговицы своей рубашки. Расстегнул все – я, не отрываясь, смотрела на его обнаженную грудь, рельефный пресс, – отбросил рубашку в сторону. Застыл сам. Пояснил.

– Следующие пять минут я не буду шевелиться. Их хватит для того, чтобы уйти. Я даже позволю тебе это сделать…

Хитрый блеск в глазах подсказал мне, что уйти мне позволят ненадолго.

– …или для того, чтобы позволить себе все, что ты действительно хочешь. Не думай, чувствуй. – Взгляд на оставшиеся на запястье часы. – Время пошло.

Хорошо, что он не снял штаны. Плохо, что все-таки обнажил торс – о, эта шея, эта грудь, эти кубики… Необъятные выпуклые плечи (они до сих пор помнились моим ладоням и пальцам).

Я должна была уйти. Всяко. Сейчас самое время, самое оно, чтобы раз и навсегда дать ему знать – мне это неинтересно. «Не гоняйся за мной, бесполезно».

Время текло, но я продолжала стоять. На меня смотрели жарко, плавленым стеклом в зрачках.

Я могу уйти…

Я должна.

Сейчас.

Я могу уйти.

Только кому я вру? Всю жизнь есть пресную кашу, когда тебе предлагают все десерты мира разом? А я стою, шаркаю ножкой, смотрю в пол и мямлю о том, что «не люблю сладкое».

– Ты провокатор.

Тишина. Тиканье настенных часов.

– Я надеялась, что ты окажешься…

– Уродом? Извини, разочаровал.

И опять эта ровная линия зубов, чуть нарушенная с двух сторон клычками. Секси.

«Пресная каша. До конца жизни».

Черт, я постоянно держу себя в узде, когда хочется чувств – хорошая для папы, хорошая для Итана, когда я уже стану хорошей для себя?

И не удержалась. Шагнула вперед.

Прикрылись наполненные эротикой глаза.

– Только не целуй меня в губы. Иначе мы из этой комнаты не выйдем.

«Не сегодня».

Блин, я только посмотрю. Нет, не только. Дам себе волю чуть-чуть – одним пальчиком в шоколадный крем…

Я приблизилась настолько, чтобы знакомый запах мужского парфюма пинком вышиб ворота моего контроля и приказал логике выметаться. Эти три точки, тату… место для поцелуя…

Я не удержалась, поцеловала его шею. Перед этим коснулась чуть колючих от щетины щек, проскользила пальцами по лицу, потянула ближе, заставила податься вперед, коснулась губами возбуждающего мой разум тату.

Жаркий выдох, полностью закрытые глаза. Зверя этот мужчина держал внутри, но срывался тоже, уже завис на самой грани.

К черту… Или бургеры с Итаном, или узнать, куда уводят линии на спине…

Я обошла замершего посреди комнаты мужчину и рассмотрела то, что так хотела – замысловатый узор, охватывающий часть левого плеча, бегущий по лопаткам и сходящийся в точку на позвоночнике.

«Я гладила эту спину в темноте, царапала ее, обожала». При свете я обожала ее еще сильнее; в моем собственном животе уже скрутилась такая спираль, что без чужой помощи не раскрутить.

У Итана почти ровная поверхность с ложбиной для позвонков. Здесь сплошные бугры из мышц под кожей, и такой размах в стороны… Я сделала то, что действительно хотела – обхватила, обняла чужой торс, прижалась щекой к этому произведению искусства, с легкой руки кем-то именуемого спиной. Это не спина – это щит. От забот, бурь, чужого мнения. За таким можно укрываться всю жизнь, за таким можно вообще ничего не бояться.

– Имя…

Попросила тихо.

Но в ответ промолчали.

– Ты мне скажешь?

– Скажу.

Собственное кольцо из рук я разомкнула с сожалением (я проиграла самой себе), смешанным с предвкушением, уже знала, что не смогу остановиться. Да, идиотка, да, прощай размеренная спокойная жизнь, но вдруг мне никогда

больше не посчастливиться попробовать все десерты мира?

Обошла снова, провела пальцами по груди, спустилась ниже, поразилась тому, что джинсы сидят на косых мышцах, как на бетонных сваях. Насколько же он силен…

«Не отдам!» – сумасшедшее знание из глубины.

– Я… не могу от тебя… отлипнуть.

– Не отлипай.

Он как будто был готов провести со мной вечность. Я же совершенно не знала, серьезно ли вообще этот тип настроен. Знала только, что водоворот из ощущений он мне подарить может.

Все, Итан, прощай, ты сегодня не со мной.

Короткий взгляд на запястье.

– У тебя осталось полминуты.

Да на время уже наплевать.

– Говоришь, ждал шесть дней…

– Очень долго. И очень терпеливо.

А во взгляде хищник, уставший быть в засаде.

«Что подарит мне этот нырок в омут?»

– Значит, сможешь подождать еще полчаса?

Вопрос в глазах. Застывшая на губах улыбка – он был прав, я бы их поцеловала…

– Могу. Но не хочу.

Я знала, чего он хотел – еще одного жаркого соития прямо здесь, прямо сейчас. Но во мне уже проснулся кто-то дерзкий, раскрепощенный, выпутавшийся из оков. Все, теперь только вперед.

– Ты хорошо водишь машину?

– Так же хорошо, как занимаюсь любовью.

Значит, изумительно.

– Тогда поехали.

Я протянула своему желанному незнакомцу сброшенную рубаху.

Мне не задали никаких вопросов.

Здравствуй, ночь свободы, пахнущая неоном и грехом. Зазвонил в моем кармане телефон – Итан; я заглушила звонок на второй секунде, выключила мобильный.

Застегнулась последняя пуговица рубашки, оставив на свободе выглядывающие из ворота три точки – место для поцелуя.

Звякнуло кольцо от автомобильного ключа.

– Идем.

* * *

Его автомобиль оказался черным, брутально-спортивным; верх открыт, сиденья кожаные.

Хватило двух моих слов «Хочу скорости», чтобы мы уже пятнадцать минут неслись куда-то без цели и направления. Мгновенье и вечность назад покинули

черту города, теперь покоряли ночное шоссе.

Я давно заметила, что быстрая езда примиряет тебя с реальностью, с текущим моментом. Неважно, логичен он или совсем нет, согласен ли ты с тем, что творишь сам или, может, коришь себя. Когда просто несешься, как сейчас, а впереди бетонная лента дороги, необратимо понимаешь – есть то, что есть. И остальное неважно. Теряются правые и виноватые, причины и последствия; остаются только чужие руки на руле, отсвет приборной панели и не твоя нога на педали…

Водил мой новый знакомый умело и в меру агрессивно.

«Действительно, как трахался».

Можно было с закрытыми глазами сказать, никогда не видя водителя, что у руля полный тестостерона мужик, потому что на ускорениях и обгонах моя голова плыла, а низ живота поджимался.

«Почему Итан никогда не превышал скорость? Сколько раз хотелось его попросить об этом…»

А этого, имени которого я до сих пор не знала, и просить не пришлось.

– Ты обещал сказать мне, как тебя зовут.

Я чувствовала, когда он начинал улыбаться, не приходилось даже поворачиваться.

– Друзья зовут меня Форс.

У меня аж мурашки прошлись по позвоночнику. Очень подходящее «прозвище».

– А по документам?

– По документам… чуть позже.

Ну конечно… Мы ведь так мало знакомы.

Форс… Жестко, непримиримо. Сочетание букв, походящее на нежно затягивающийся на шее канат.

Что ж, будем знакомы.

Поверх ветрового стекла вихрились невидимые воздушные потоки, трепали мои волосы, заставляли радоваться, что из дома я вышла в трикотажном спортивном костюме. Не секси, но для ночной поездки как раз. Путь в никуда позволил немного остыть от бесконечного желания, начать мыслить логично, пробудил думы об Итане – шевельнулась совесть. Надо бы позвонить, предупредить, но ведь уже три года со мной живет, знает, что в стрессовые моменты я просто пропадаю на сутки или двое, уезжаю в свой прибрежный домик. Всегда переживаю нестабильность настроения там, у моря. Он привык. Подумает, что так случилось и теперь, ничего нового.

А вот о сидящем сейчас рядом мужчине хотелось узнать чуть больше.

– Можно узнать, кем ты работаешь?

– Можно. – Момент тишины. Нет, водитель не обдумывал ответ, но будто подбирал слова.

Пояснил коротко:

– Я госслужащий.

Госслужащий? Это кто: клерк, налоговый инспектор, кто-то в безымянном ведомстве?

– А подробнее? Чем именно занимаешься?

Очередная пауза.

– Слежу за порядком. Наблюдаю, чтобы другие тоже за ним следили.

И более никаких пояснений.

– В смысле, охранник?

– Можно… и так сказать.

«Слежу за порядком» – прохладные слова, очень ровные, со зловещим отсветом. Или показалось?

Интересно, мой привередливый батя обрадуется «охраннику» больше, чем продавцу спорттоваров? Несвоевременная мысль, да и глупая на данном этапе. Что ж, хотя бы ясно, откуда у моего соседа такая мощная и развитая мускулатура, наверное, в его профессии к силовым параметрам предъявляют высокие требования.

Еще несколько минут мы проехали в тишине – слева море, справа бесконечный луг, заросший разнотравьем.

«И нет, если бы он не позволил намеренно, я тем утром не смогла бы от него сбежать…» – подумалось вдруг.

Где мысль, там и вопрос вслух:

– Ты ведь не спал… тогда?

Мне ничего не пришлось пояснять. Этот тип все понял, потому что теперь пытался свою улыбку скрыть. И молчал многозначительно.

– Конечно, я могла думать так раньше, пока не увидела твои глаза.

– А что не так с моими глазами?

С ними все было так. Но этот взгляд… Взгляд человека, который никогда и ни при каких обстоятельствах не теряет внимания. И, если уж наметил «жертву», капкан не разожмет – не помешают ни усталость, ни сон. А я еще – кланя глупая – так старательно, силясь не уснуть, выжидала, когда рядом начнут дышать ровно, когда действительно погрузятся в дрему.

Ну да, Форс «заснул», точнее, сделал вид. Перед самым рассветом впервые убрал с меня руку, перевернулся на спину, задышал «профессионально», ровно. Позволил сбежать. Помнилось, как впопыхах собирала свои шмотки, долго искала туфли, трусики не нашла вовсе – умотала без них.

Вся эта сцена оказалась постановочным спектаклем.

– Ты бы не отпустил меня, если не захотел сам. Значит, захотел.

Машина в этот момент мягко затормозила, свернула к обочине, встала у невысокого дорожного ограждения; водитель повернулся в мою сторону, смотрел он странно – вроде бы мягко, но со сталью.

– Ошибочная формулировка, потому что нет, я не захотел. Но я позволил тебе уйти, так как знал, что на обдумывание некоторых вещей нужно время. Чтобы их переварить, впитать.

Одна его рука на руле, под голубой тканью рубахи внушительный бицепс – я залипла на нем взглядом, как пьяный посетитель стрип-клуба на трусиках танцовщицы. В который раз думала, что, если честно, плевать… На все причины и следствия, на то, что случилось шесть дней назад или случится через еще шесть. Этот мужчина был слишком красив, он тянул к себе магнитом, и просто так сидеть с ним рядом становилось все сложнее.

Пауза, взгляд глаза в глаза, секунды прогорали пеплом – бесценно утекало время, пока между нами тлел фитиль.

– Укажешь мне дальнейшее направление действий?

Я обожала фразы с двойным смыслом. Мол, «куда едем?» или же «давай я уже сделаю это прямо здесь».

К «сделаю прямо здесь» я уже тоже склонялась все отчетливее. Машин почти нет, крышу можно закрыть…

– Вообще-то изначально я хотела показать тебе свой домик. Личное пространство, так сказать. Но мы не на том шоссе.

Водитель смотрел на меня, о чем-то думал.

– Тогда давай я покажу тебе свое. Здесь недалеко, и мы на нужном шоссе.

«С тобой хоть на луну», – думалось мне. Внутри хорошо, почему-то легко, как бывает тогда, когда все равно уже ступил не туда. Но кто сказал, что ошибочной дорогой нельзя насладиться?

Глава 3

(CKay – love nwantiti [ah ah ah])

Домик в лесу – это всегда здорово.

Уютный домик с усыпанной листьями террасой и двумя креслами качалками – это место, откуда не хочется уходить. Фонарь над дверью; сложенные на лавке клетчатые пледы. Кажется, я была готова остаться здесь по крайней мере на год…

– Входи.

Однако кое в чем я не заблуждалась. Красивый мужчина, слишком быстро пробирающийся под кожу, – это опасно, это пахнет трагедией в близком или далеком будущем. Нет, я не пессимист, но жизнь учит быть бдительной. Сердце-то одно.

Внутри было красиво. Пахло деревянной отделкой; комнаты комфортные, стильные, куча незаметных атрибутов типа светильников, мягких подушек, создающих уют. Либо сюда часто водили посетительниц, либо это место создавали для личного пользования с душой и для души.

Спрашивать, как часто здесь бывают гости, было глупо. Подкупил, однако, заросший деревьями холм с тропинкой от крыльца, откуда так здорово было бы по утрам начинать спуск на велике… Мечтатель во мне не умер.

Как жаль, что мой незнакомец оказался большим, красивым. Ладным, подкупающе-идеальным.

Из дерьма мне – эта мысль пугала на фоне – придется выбираться долго.

– Выпьешь?

На винной стойке позади не только вина, но и дорогие коньяки, ром, настойки, ликеры. Бокалы рядом.

– Боишься, что я без этого не смогу расслабиться?

Форс пересек пространство незаметно и вторгся в мою личную территорию, не встретив внутреннего сопротивления. Как горячий ласковый нож в подтаявшее масло. И поцеловал. Мягко, но очень по-мужски, с заделом на будущее, с ласковым поглаживанием, без спешки. Поцеловал так, что отчаянно сильно захотелось продолжения, так, что все внутри скрутилось в спираль. Поцеловал так, будто всегда это делал, сотни раз на дню, как будто наши губы были созданы для поцелуев.

Черт самоуверенный…

– Боюсь ли я, что ты не расслабишься? – спросил мягко. – Нет.

С ним было сложно. Или же мне было сложно с собой, так ярко реагирующей на постороннего, в общем, мужчину.

Он вернулся к стойке, взял одну из бутылок – я с опозданием заметила, что это обычная шипучая минералка. Налил в стакан, пригубил. Спросил со смешком:

– Расскажешь мне о себе?

Решил, наконец, познакомиться? Ну уж нет. С тактикой я определилась еще по дороге сюда – выстрою легенду. Прикинусь не собой, кем-то другим. Незачем ему узнавать меня настоящую, а мне незачем подпускать близко того, кто и так со скоростью инертного газа заполняет собой мою вселенную.

– Что именно ты хочешь узнать? Меня зовут Вилора…

«И я ненавижу собственное имя. Наверное, мама хотела, чтобы из меня вышла мягкая красивая девочка, но получилась почти что пацанка. Что ж, задуманное исполняется не всегда».

– … работаю в отделе спорттоваров, продаю велосипеды. По вечерам заряжаю в плейлист классику, собираю открытки и мягкие игрушки…

Мне нравились его глаза. Теплые, серые, будто с каменной пылью на дне – удивительный контраст. Как будто та сталь, что в них иногда отблескивала, предназначалась не мне, однако меня держала в тонусе тоже.

Форс, глядя с улыбкой, но внимательно, сделал еще глоток. После поставил стакан на стол; изменилась улыбка – стала чуть саркастичней, печальнее, мол, «зря ты меня недооцениваешь».

– Уверен, что в твоем плейлисте никогда не водилась классика. Да и в том, что ни одной плюшевой игрушки в твоей комнате нет, я уверен тоже. Как и открыток.

Этой фразой он обезоружил меня, послал по позвоночнику ворох мурашек. Теплый. Холодный. Притягательный. И слишком умный. Я все больше убеждалась в том, что близко подпускать его не стоит.

– Послушай, – прозвучало так, будто я оправдываюсь, – ты нашел меня… для секса. Давай… не будем усложнять.

«Я позволю тебе так думать».

Меня пугала глубина и теплота его взгляда. Взгляда человека, знающего больше. Например, то, что он нашел меня насовсем, навсегда. Это был взгляд

очень терпеливого мужчины, умеющего настаивать на своем, умеющего незаметно убеждать. И вытряхивать эту «ересь» из головы становилось все сложнее.

– Думала, я тебя не найду?

Думала. Надеялась. Вся я надеялась, все девяносто девять процентов. А один жалкий процент, спрятавшийся даже от самой себя, стыдливо надеялся, что найдет и сделает все именно так, как сделал.

– Как… ты… это сделал?

«Как нашел меня?»

– По запаху.

Шутка. Или нет?

И обещание – нам будет хорошо.

Форс отставил стакан, обошел стойку, направился ко мне с видом человека, у которого в запасе вечность, и который собирается начать наслаждаться ей сейчас.

– Хочу увидеть то, – «что мне принадлежит». Нет, это не прозвучало, мне показалось, – то, что искал. Тебя.

Я отступала к стене. Привычка быть настороже. Хотя от кого? От него бесполезно…

– Ты уже видел все руками.

– Но не видел глазами.

На мне спортивный костюм. Хорошо хоть белье хорошее, плохое я попросту не любила.

Идти стало некуда, когда я поняла, что оказалась возле угла. Спиной к стене.

И уже из самой ловушки зачем-то спросила:

– Я тоже ничего о тебе не знаю. Даже имени…

Он снова пах так, что ты сдался еще до того, как понял, что сделал это. Черт, я бы тоже узнала его по запаху.

– По документам я… Крейден… Форстон. Если тебе это зачем-то нужно.

Он звучал, как нож. Как кремень. Он звучал, как тот, с кем лучше было бы не иметь дел.

– Форс… Крей… – я пробовала эти слова на вкус, как нечто запретное.

– Для тебя… кто угодно.

«Для тебя – что угодно».

(BRKLYN – Sip Sip)

От пацанки меня всегда отличала грудь. Слишком выпуклая, очень женская, полновесного третьего размера – ей любовались так протяжно, что забылось о том, что я в спортивном костюме, молнию которого только что медленно расстегивали. Высвобожденная из бюстгальтера, она ждала прикосновения горячих пальцев отчаянно, столь же протяжно. И дождалась. Гладивших, скользящих по коже… От моей лишней одежды Крейден избавился неторопливо – скользнула вниз с плеч кофта, ушел в небытие бюстгальтер, сползли вниз штаны. После трусики… И вспомнилось, как сложно было ему сопротивляться той ночью, как перестало хотеться это делать. Есть мужчины, которым не просто хочется поддаться, которых хочется притянуть к себе быстрее, чем они приблизятся сами, которым хочется позволять все. Крей обладал этой аурой. И этим чертовым запахом, в который утыкаешься носом, как в сексуальную подушку. К тому моменту, когда достигшая моего лобка рука замедлилась,

позволила себя осознать «близко», я сбросила внутреннюю броню – мы здесь для «этого». И «это» будет. Не знаю, кто хотел этого больше, но мужской палец скользнул уже во влажные складки, неспешно насладился жаркой скользкостью. Пожар разгорался нешуточный.

Чуть отрезвил зазвонивший в кармане Форса телефон. Нет-нет, нельзя так быстро, не стоит – воспользовавшись отвлеченным вниманием, я попыталась ускользнуть из ловушки, но не тут-то было. Одной рукой мне преградили путь, глазами сообщили нет; откуда-то взялась гарнитура, одетая на ухо, сотовый отправился в нагрудный карман. И снова обе его руки свободны. На губах ласковая улыбка.

– Да, семь ноль четыре, слушаю… – Пауза. – Обрисуй ситуацию.

Обычно, когда кто-то разговаривает по телефону, хочется дать человеку время и пространство, но пространство Крейден не давал мне. Кажется, всего один процент его внимания ушел собеседнику на том конце, остальные девяносто девять, включая жаркий взгляд, остались на мне. Разговор – просто пикантная деталь.

– Какой график? Показатели стабильности?

О чем шла речь?

Сложно было понимать, когда продолжаешь хотеть продолжения.

– Передавай… Вижу… Мне нужно обработать сигнал.

Я словила другой сигнал – звук расстегиваемого ремня, следом ширинки. А после в мой лобок уткнулось то, что утыкалось в меня той ночью, и утыкалось нагло. Взгляд вниз… Черт, когда парень красив – это полбеды. Когда у красивого парня достойный размер, форма и толщина – это совсем сложно. Все, пусть делает что хочет…

Головка гладилась о мою промежность туда-сюда, словно расстегивала невидимый замок, скользила, рассказывая, как хорошо скоро будет. Крей греховный, настойчивый, чертовски вкусный. Я стою у стены со спущенными

трусиками, чужой мужчина уже практически во мне, и нет лучшего места во вселенной…

– Да. Вижу. Шанс на исправление большой, проведи через очистку.

Вопрос на том конце.

– Да, после отпусти.

Толчок внутрь – раздвинутые головкой складки. Оргазм рецепторов. Началось, нужно еще…

Я дам этому парню еще и еще просто потому, что секс с Итаном в последнее время напоминал жевание едва прожаренного безвкусного блина. Здесь, с Креем, этот блин был прожарен идеально, полит кленовым сиропом, посыпан сахарной пудрой и обсыпан орешками. Я специально не кладу руки на мужские плечи, я цепляюсь ладонями за деревянные панели – так беззащитнее, так я не показываю, что уже по полной нырнула в дурман.

– Да, все графики посмотрел…

Когда он успел? Где?

Моя катушка отключена, весь ток ушел вниз. В меня входили с каждым толчком все глубже, все основательнее – скользкость такая, что сопротивление отключено. Весь центр вселенной ухнул вниз, туда, где меня надевал на себя хороший член, казавшийся для сдвинутых бедер толще бревна.

Еще глубже, чуть быстрее…

Когда мне в рот погрузился мужской дразнящий палец, я его укусила.

В тот же момент Крей произнес:

– Договорим позже…

Куда-то к черту отправился телефон, и туда же гарнитура с уха.

А дальше меня расплющили. Наконец-то. Просто стена. И тебя просто делают возле нее так, что остальной мир растворен, не существует. Теперь существуют только наглые руки и наглые губы; внизу уже раскалено до предела. Оказывается, можно так заниматься сексом – без тормозов, без комплексов. Можно стонать, обвиваться, надеваться, дрожать, просить еще тряской собственных нервов.

Крей трахался лучше, чем водил. Может, водил он тоже запредельно, теперь это было неважно…

Я никогда не заканчивала так громко, так хрипло, так отчаянно, будто это последняя минута моей жизни, а за ней лишь сияющая пустота. Он излился в меня, став неприлично большим, став бескомпромиссно твердым.

И лишь спустя минуту (или вечность?) пробралась, как сквозь вату мысль: «Хорошо, что я на таблетках…»

(Lewis Blissett – Sick Thoughts)

Душ отрезвляет. И иногда смывает романтику. Хотя смыть с меня воспоминания о том, что случилось, не сможет уже никакой «пятновыводитель». Никогда.

Одно было ясно наверняка – чем больше времени я проведу рядом с этим искусителем, тем меньше вероятность, что когда-либо вытравлю из себя его запах.

Он хотел сделать это еще раз?

Он сделал.

А я… Я действительно за себя не отвечаю рядом с ним, и никакой алкоголь не нужен.

Глухая ночь, чужой дом посреди леса. И страшит не человек рядом, но отсутствие во мне перед ним барьеров.

– Отвезешь меня домой?

Я снова одета; только тело до сих пор горит, а между ног, наверное, будет влажно до второго пришествия.

– Нет.

Спокойный ответ, даже не прохладный.

Черт… Сама? Но я не могу сама, я не знаю адрес. Да и навряд ли сюда доберется такси.

– Ты останешься до утра.

Я не хотела. Я хотела. Я не знала, чего я хотела – наверное, подышать.

Чужая самоуверенность хороша, когда ее желания не идут вразрез с твоими собственными.

– Послушай… давай разойдемся.

Мне снова требовалось время… что-то обдумать.

– Мы разойдемся утром. Ненадолго.

Отличная ловушка. Я сама поехала с ним «куда угодно».

– Ты получил, что хотел.

Взгляд теплый. И совсем чуть-чуть бетона где-то в глубине.

– Я хочу тебя узнать. Настоящую, не маску.

– Нет.

– Твое тело расслабляется рядом со мной быстрее, чем твой разум.

Когда Крей приблизился, вырваться я попыталась моментально. Не бывает красивых мужчин без изъянов, не бывает умных людей без тараканов. Мне требовалось… пространство.

– Обними меня.

Такой же приказ, как когда-то «поцелуй меня».

«Притворись, что любишь меня…» – эта фраза мне до сих пор помнилась.

– Не хочу! Отпусти! Отпусти…

Я выдиралась из его объятий сначала очень рьяно, изо всех нешуточных сил. Тщетно. Все равно, что выдираться из обитого войлоком железа. Выдохлась, поняла, что лучше притвориться, что сдалась, постоять тихо. Прекратила биться в невидимых сетях. Просто позволила себя обнимать. Еще… и еще. После расслабилась, почувствовала, что мне тепло.

А спустя мгновение в меня начало вливаться то, что он хотел, чтобы я ощутила – спокойствие. Его. Непоколебимое. Ощущение, что все хорошо, что он рядом, что больше не нужно сражаться, что можно сдаться. Плакать, если захочется – он все решит, он все возьмет на себя, он не даст в обиду.

– Врешь! – вдруг дернулась я. – Ты наверняка такой же, как все…

Последнее прошептала уже вовсе не уверенно, с горечью.

– Таких, как я, больше нет.

Сказано тихо, мягко.

– Таких, как ты, тоже.

Мне понадобилась еще минута в его объятьях, чтобы действительно сдаться, осознать, что особых вариантов и причин для трепыхания у меня, в общем, нет. Мне все равно придется остаться до утра.

Долгий выдох.

– Ты не отвезешь меня домой?

Лучше бы я не поднимала лицо, не смотрела вверх, потому что домой мне тут же расхотелось.

– Нет.

Между нашими губами всего сантиметр, и именно мне хочется качнуться вперед.

– Тогда… я выпью.

Улыбка Форса, как вельвет.

– Не сразу, но у тебя получится.

Он сказал это прежде, чем разжал кольцо рук, прежде чем отправился к барной стойке. А я не сразу догадалась, о чем речь.

«Получится расслабиться рядом со мной разумом, как и телом».

Конечно, вот он о чем…

А с другой стороны, почему нет? Почему не поиграть в любовь, не дать себе снова эту возможность, сколько можно напрягаться?

– Хочешь меня разгадать?

Если меня влюбит в себя, а после бросит такой, как Крей, осколки разлетятся по всей галактике.

– Хочу тебя узнать.

– Ты сеешь внутри меня хаос.

«Однажды это пройдет. Однажды станет тепло, правильно».

Почему от него исходит именно этот шлейф?

– Что будешь пить?

* * *

(Dennis Lloyd – GFY)

Позитивный опыт копится медленно. Негативный быстро. Ты не замечаешь этого, пока что-то не срезонирует с твоим прошлым, пока случайно не плеснет наружу волна. Вот тогда и становится ясно, что «котел уже был полный», что прошлое далеко не всегда остается в прошлом. Даже если казалось, что ты это успешно «прошел».

Форс приготовил для меня коктейль в высоком стакане – смесь манго, вишни и чего-то спиртного. Я бы по привычке выбрала другое – водку с колой, например, – но то, что было налито в стакан, нравилось мне больше. В этом коктейле, в выборе его ингредиентов, чувствовалась забота – они были смешаны со смыслом, с любовью. И вдруг почудилось, что меня снова погладили.

Пила я на крыльце. В том самом кресле-качалке, которое заприметила еще на входе. Грех было уйти из этого домика, не насладившись мирным сидением на террасе. Я с одной стороны от столика, Крей с другой. В его руке стакан с чем-то более дерзким, нежели манго. С виски?

Теплая еще, несмотря на начавшуюся осень, ночь. Душевная атмосфера, которую не хотелось портить идиотскими вопросами, но один на уме все-таки крутился.

– Два кресла… Часто водишь гостей?

– Нечасто. Они продавались в комплекте.

Отличный ответ. Таким можно завуалировать что угодно. Но хочу ли я на самом деле лезть глубже и слышать то, что меня не порадует? Нет. Черт с ними, с креслами. На ногах мягкий плед; в ноздри запах густой хвои, опавшей листвы, сырой после вечернего дождя земли.

Судя по тому, как быстро плыла от алкоголя моя голова, градус коктейля был высоким.

– Сколько ты добавил сюда спиртного?

– Правильное количество.

Манго, оказывается, отлично маскировал «буз»[1 - Booze – здесь и далее прим. автора].

– Хочешь расслабить-таки мою голову?

Ответа не последовало.

Как ни странно, сидящий в современном, обтекаемом на вид кресле-качалке Форс не казался опасным. А вот мистицизм, застывший во взгляде, не потерял. Некую тайну, загадку.

Подумалось вдруг, что я выгляжу в его глазах невротичной боязливой дурочкой – дергаюсь, что-то проясняю, никак не могу успокоиться. И какая бы разница, как я для него выгляжу… Разница, однако, была.

– Думаешь, я истеричка? – Чертов коктейль. Кажется, язык он мне все-таки развязал. – Психически нестабильная?

– Думаю, психически ты стабильная, – ответ прозвучал спокойно. Крейден пригубил виски. – Иначе подняла бы панику при виде пистолета.

«Когда я пригрозил, что начну одну за другой убивать незнакомок. Но ты не повелась».

Да, не повелась. Дергалась я, однако, все равно, и этому была причина.

– Я нормальная, – прошептала я зачем-то.

– Конечно, – отозвался Форс через паузу. – Просто у тебя в прошлом есть некая история.

«Связанная с тем, что тебя теперь беспокоит…» – его мысли можно было читать по взгляду.

– У всех нас есть в прошлом такая история. Но это не значит, что я собираюсь ей с тобой делиться.

Терпеть не могу психологов еще со времен далекой юности, когда мой отец, приведший в дом молодую жену, решил, что у его дочери, не принимающей мачеху, случилась психологическая травма. А кто-то любит новых «мам»? С тех пор психологи, завуалированные под друзей отца, под случайных гостей, начали посещать наш дом регулярно. Многие из них пытались меня разговорить, мало у кого вышло.

Крейден, однако, был хитрее, Крейден молчал. И мне это нравилось.

– Чем я напоминаю тебе его? – спросил он после паузы, и заработал в моих глазах плюс сто баллов.

Очень проницательный вопрос.

– А ты умен, правда?

С ним почему-то хотелось говорить. Наверное, синдром «незнакомцев». Или же спиртное, перекочевавшее из почти пустого стакана в мой желудок, сделало свою работу. Хороший был коктейль, очень вкусный.

– Я налью еще один. После того как ты расскажешь.

Он знал, что я расскажу. И даже я знала, что расскажу. Пусть коротко, но все-таки поделюсь – аура Крейдена располагала. Она была невесомой, легкой, чуть-чуть веселой. И это при том, что мужик этот легким отнюдь не был.

– Зачем тебе? Это грустная история.

Кривая усмешка, очень сексуальная.

– А мне сегодня как раз никто ни одной грустной истории не рассказал.

Странно, но я словила ощущение, что это правда. И что грустные истории Форс время от времени слышит. Крики души, прощальные крики… Тряхнула головой – бред, наверное.

Может, правду говорят, исповедь облегчает? А я ни с одной подругой случившимся так и не поделилась. Я закрытая в том, что касается глубинных слоев моей личности, и ни к чему мне в душе гости.

Так все-таки исповедь? Ладно.

– Он тоже был красив. И самоуверен.

Крейден смотрел в свой стакан – кажется, сказанное ему даже понравилось.

– И?

– Мне было девятнадцать. И тогда я часто ошивалась у отца на работе. Мужской коллектив, все в костюмах, галстуках – куча внимания… Бизнесмены. Ну ты понимаешь.

Наверное, он понимал.

– Только я тогда не умела различать самоуверенность и спесь – очень тонкая, как оказалась, грань.

– Как его звали?

– Зачем тебе?

– Как?

Мягкий вопрос, почти незаметный, «неважный».

– Генри Кэвендиш. Молодой, перспективный. Лучший аналитик финансового отдела того года, награжденный дипломом и статусом от журнала «Трейд». Отец его профессиональные качества обожал.

Я замолчала. Давно я не лезла в те воспоминания, давно не помнила о том, что они все еще жгутся.

– Как развивалась история вашей «любви»?

Форс умел спрашивать. Лучше, чем психологи, очень ненавязчиво. Подгонял тебя мягкой кошачьей лапой к продолжению.

– Для меня все было по-настоящему. Наши встречи, взаимный интерес, свидания, чувства. Мы встречались четыре месяца до того, как он сделал мне предложение – я парила.

Чистая правда. В девятнадцать охотно верится, что сказки, в которые не верят другие, очень даже существуют для тебя.

– Я подарила ему свою… девственность.

Чего уж… Говорить так говорить.

– Ценный подарок.

На Крея я взглянула с любопытством. А в его глазах не осуждение, не зависть, но легкая грусть оттого, что подобный подарок достался не ему. Он бы оценил – вот что я прочитала в его взгляде. Но ему все равно, что было в прошлом. Настоящее – вот что было важно.

– И свадьба…

«Состоялась? Не состоялась?»

– …не состоялась. Потому что в тот день, когда я выбрала, наконец, в салоне свадебное платье, ко мне в бизнес-центре подошел Рич, парень из отдела бухгалтерии, питающий ко мне симпатию, и рассказал про «спор». Про то, что ставки делал весь «аналитический» коллектив, что они были очень высоки, что Генри, оказывается, не сомневался в победе. Вот так все… просто. На меня поспорили.

«На мои чувства. На мою свадьбу».

Форс пил неторопливо, по глотку.

– Дальше, – размышлял он вслух, – должно быть, как в фильме.

– В смысле?

– Герой осознает, что да, был спор, но что чувства в процессе он заимел настоящие, что теперь расставаться совсем не желает. Извинения на коленях, просьба «стань моей женой».

Мне почему-то стало смешно, несмотря на печаль.

– Никаких извинений не последовало. Тотальный игнор. Отцу, который ждал нашей свадьбы, пришлось сказать, что мы поссорились.

«Ты сказала ему про спор?» – это вопрос я ощутила на чужих губах, несмотря на то, что он не прозвучал.

– Про спор сказала. – А здесь начиналась настоящая горечь. – Знаешь, что он ответил? Что не стоит наговаривать на партнера из-за конфликта. Наверное, он хотел быть на моей стороне, но Генри на тот момент был ему дороже. Дела у фирмы шли неважно.

И не нужно было углубляться в детали. В то, что батя зарылся в работу тогда, когда исчезла вдруг его молодая жена. Исчезла потому, что ее забрали Девенторы, – это выяснилось позже. Он сдал тогда. Сильно. И работа стала для него всем – домом, спальней, столовой, кладовой, в которой он обложил себя документами и папками. Ему нужна была эта фирма, эта компания, нужен был такой специалист, как Генри. А дочь? Дочь, возможно, преувеличивает – погорюет и забудет. Так что самый сильный удар для меня последовал именно от отца, а не предательства его коллеги. Целого отдела коллег. И ни к чему о том, что в бизнес-центре я появляться разлюбила. Дальше все сама – своя работа, свои заработки, своя жизнь…

Форс подался вперед, отставил стакан. Достал из кармана пачку сигарет – странную пачку, я таких не видела, – вытащил одну папироску. На вид без фильтра, но дорогую. Щелкнул зажигалкой – потянуло ароматным дымом со вкусом амаретто.

Он курит? Тогда и я тоже…

После первой затяжки я аккуратно забрала из мужских пальцев странную сигарету, затянулась сама, едва не закашлялась от крепости – Крейден наблюдал за моими действиями с любопытством. Я же шла наперекор – если не любит курящих девушек, пусть отходит в сторону. Не желаю быть больше для кого-то удобной.

Один вдох дыма в легкие, второй… Черт, что это за табак? Голова поплыла сразу.

– Что ты… куришь?

– Расслабляюсь. Иногда.

Ух… Вот это да! Вкус обычный, сигаретный, а действие, как легкой дури. Ну и пусть – я вдруг ощутила, что действительно расслабилась. Мне полегчало; я улыбнулась. Передала окурок назад владельцу, спросила, сидя рядом:

– Не смущает, что теперь я буду пахнуть табаком?

Он смотрел на мои губы так, будто пытался представить, сколько еще интересных и вкусных оттенков добавит запах дыма нашему поцелую. Заранее знал, как сильно он будет им наслаждаться. А после качнулся вперед – снова легко, свободно, как будто делал это всегда. Поцеловал меня тягуче, очень тягуче. Так, что забылась и фирма отца, и Генри, и иже с ними.

– Я ответил на твой вопрос?

Он ответил. И нет, этот амаретто-табак не испортил вкус его губ тоже, лишь добавил флер дыма на одежду, привнес в наш контакт новую специю.

На меня навалилось новое «хорошо». Хорошо в этом доме, на этом крыльце, с этим человеком рядом. Плевать, что дальше. И как давно я, оказывается, не курила. Делала это редко и всегда тайком, потому что знакомый вдоль и поперек мирный Итан не переносил запах табака на дух.

– Так поэтому ты после выбрала парня-подушку?

Это он про Итана? Уже выяснил? Конечно, за шесть дней можно выяснить все что угодно, если задаться целью.

– Парня-наволочку. – Нет, я не пыталась оскорбить собственного сожителя, просто стало вдруг смешно. Крей прав. Мой нынешний бойфренд был всем удобен – неконфликтный, терпеливый, уравновешенный, как весы. Как чертовы пустые весы. – Ну да, он не опасен.

«Не разобьет мне сердце».

– … в отличие от тебя.

– А я опасен?

– Это ты мне скажи.

Тишина.

– Не для тебя.

Какой правильный ответ. Какой нужный в этот момент ответ.

Надо чаще пить. Чаще курить. Чаще расслабляться. Чаще находиться в хорошей компании, чаще позволять себе быть собой. Чаще делать то, что нравится – какая простая истина. Почему она снизошла на меня только здесь, рядом с этим человеком?

Кажется, мне не нужен второй коктейль – на душе легко и здорово. Исповедь? Скорее табак со вкусом амаретто.

Крей тем временем аккуратно затушил окурок в пепельнице и приблизился ко мне. Наклонился, уперся обеими руками в поручни качалки, и мое кресло забавным образом отклонилось назад, как постель. Оказался к моему лицу близко-близко, и подумалось, что мы слишком давно не занимались с ним любовью.

(SteLouse feat. Bryce Fox – Sociopath)

Он смотрел легко и серьезно, он смотрел непонятно.

– Эй, только не надо меня жалеть, – предупредила я на тот случай, если вдруг начнутся успокаивающие слова. Люди почему-то думают, что после «грустных» историй подобные обязательно должны звучать.

– Я не собирался тебя жалеть. – Он приблизился еще, вдохнул мой запах медленно, как гурман. – Ты не сломанная кукла.

Верно.

Какие же у него все-таки губы, греховные черты лица, вкусная мужская аура. А эта хитрая улыбка…

– Итак, что мы с ним сделаем?

– С кем? С Итаном? – Мне нравилось, когда Форс так близко, практически на мне.

– С Генри…

Я опешила. Замерла. После рассмеялась.

– С Генри? Мы?

– Да. Как бы ты хотела ему… отомстить?

– Никак. Потому что это меня не починит. – Ничего не изменит.

– Ошибаешься. – Запах Крейдена всегда отключал во мне способность думать. Сейчас этот запах проникал через ноздри мне сразу в мозг. – Некоторые раны заживают, только если удалить из них кислоту.

Взгляд простой, почти ничего не выражающий.

– Думаешь, это мой случай?

– Уверен.

Та сигарета играла с моим разумом в игры, делая тяжелое легким.

– Итак?

Он ждал мой ответ. Действительно ждал.

– Убьем его? – теперь шутила я.

– А ты этого хочешь?

– Шутишь?

Тишина. Я прыснула со смеху, мне хотелось его обнять, притянуть к себе, хотелось еще одного поцелуя.

– Ты социопат? Психопат?

Господи, с кем я связалась. Но эта ночь была для меня, она разрешала мне все.

Ох эта улыбка, эти клычки…

– Может, процентов на пять.

Ну, если быть честной, я сама процентов на десять. Не всех людей хочется любить и не всегда.

– А ты хотела бы его убить?

– Девенторы…

Меньше всего мне хотелось тем же утром быть взятой Девенторами. Генри точно не стоил того, чтобы портить себе жизнь.

– Забудь про Девенторов, – Крей говорил легко, – представь, что их не существует. Тогда… что?

И я вдруг всерьез задумалась – что?

Наглядно представила: кровь, кишки, проломленный череп, стеклянные глаза.

– Не-е-е, убивать бы не стала. – Смерти я не желала никому, даже ублюдку Генри. Смерть – это необратимо, радикально. – Но, если забыть про Девенторов, если все можно, я взорвала бы этому мудаку машину. Любимую оранжевую Бергетту. Коллекционную модель, которой он очень гордится… Сволочь. И которую купил на деньги моего отца, на деньги нашей семьи. В каком-то смысле.

Сейчас, разговаривая об этом, я вдруг поняла, что не вру – мне стало бы легче. Что злость, обида, ярость, оставшиеся с тех времен, оказывается, жили во мне,

тлели углями, причиняли боль.

– Тогда поехали?

– Куда?

Легкое касание губ, поцелуй почти вскользь – крыша моя сползла набок.

– Взрывать его машину.

Я хохотала честно, от души.

– Ты? И я? Прямо сейчас?

– Прямо.

Даже если представить, что это правда…

– Не понимаю. Мне это, может, и надо. А тебе зачем?

– Ты этого стоишь.

Тепло, приятно. Еще одно касание губ – я едва не взвыла, когда Крей вновь не углубил его. И все же диалог не давал покоя, веселил. Наверное, мы обкурились с ним оба.

– То есть ты прямо сейчас, – решила прояснить я, – готов сорваться посреди ночи на другой конец города, нестись по трассе. Доехать до чужого дома, достать из багажника чемодан с оружием, закинуть за забор пару гранат?

– Мне хватит одной.

Он, кажется, не шутил. Или я не разбираюсь в его взглядах.

– Ты этого не сделаешь…

– Проверишь?

Мне, если честно, было все равно – врет он или говорит правду. Иногда правильные слова даже важнее правильных действий. Они и есть правильные действия, если сказаны вовремя.

Я же уже изнемогала от запаха его парфюма. Сидела в кофте на голое тело, в штанах на голый зад, потому что трусики мои в этом доме затерялись, и думала о том, что одежда на мне лишняя.

(Bruises – Sexymental)

– Что со мной происходит… когда ты рядом?

Мир становился другим, смещался. Он становился нашим, на двоих. Хотелось касаний, объятий, хотелось смеяться вместе, приговаривать вместе. Вот, оказывается, как ощущается, когда тебя понимают.

«Чувства? Химия? Притяжение?»

– Так мы едем?

Улыбка на его губах действовала, как афродизиак.

– Не сегодня.

Новый поцелуй. Чуть глубже. Но все еще «отпускающий».

– А сегодня? Сейчас?

– Сейчас… я снова тебя хочу.

– Я хотел тебя шесть дней. Без перерыва.

Он будет это делать со мной. Как хочет. И я буду хотеть того же.

– Так… люби меня.

И он любил. Уже в спальне. Совершенно иначе, чем в первый раз, глубже. Неторопливо, нежно и не очень, распластывал под собой, укрывая, топил в дурмане наслаждения.

Дальнейшая ночь из-за странной сигареты помнилась мне обрывками. Помнилось, что хотелось, чтобы она никогда не заканчивалась, как и Крейден в моей жизни. Чтобы длились бесконечно его ласки, чтобы притягивал еще ближе, как канат, его взгляд.

Теперь он был во мне глубоко. Во всех смыслах.

Хорошо, что это не тяготило. Пусть завтра…

После его пальцы скользили по моей спине, делали массаж; поцелуи в шею, плечи. А чуть позже широкую мужскую спину, сидя сверху на выпуклых ягодицах, массировала я.

И уснула там же. Прижимаясь щекой к странной татуировке.

Глава 4

(Patrick Joseph – Setting Sun)

Утро всегда бескомпромиссно. У него нет жалости. И любую, даже самую лучшую вечеринку, произошедшую накануне, утро всегда превратит в комканные салфетки на столе, сигаретный пепел на колонках, сморщенный сыр в тарелках. Оно снимет с тебя розовые очки и спросит: кто ты сегодня? Где ты? Зачем ты?

Стылый воздух шел изо рта паром. Холодно. Поразительно теплый вечер обернулся противоположным рассветом – практически морозным. Пустынная улица; блеклая заря над домами. Я шагала к метро.

Это утро могло стать другим, если бы не звонок на телефон Крею, ни слова после: «Я должен идти. Работа». Работа. У всех работа, и неважно, что выходной. Я попросила его высадить меня на пересечении аллеи Вязов и улицы Гербера, сказала, что оттуда мне недалеко до магазина. Форс наверняка догадался, что спорттовары закрыты в половине восьмого утра, тем более половине восьмого утра в воскресенье. Но ничего не сказал. Не обмолвился даже, увидимся ли мы еще, не спросил мой номер, не оставил свой.

Его касания еще горели на моей коже, мое сердце все еще таяло от тягучих взглядов, перекочевавших в память.

Он был? Он есть?

Если все закончится сейчас – наверное, так было бы правильно, – я не сломаюсь. Переступлю, пойду дальше, помечу эту ночь в голове, как лучшую, буду все остальные с ней сравнивать. Мы не переживем ни ссор, ни обид, ничто не запятнает мимолетное свидание – идеальное по всем параметрам. Только часть меня навсегда уедет с тем, кого зовут Крейден Форстон, в машине, в неизвестном направлении. Даже если водитель не будет об этом знать.

Мы умеем не помнить. Мы умеем притворяться, что не помним.

В восемь утра выходного люди спят, и оттого улицы пустынны.

Не спят только Девенторы.

Именно они сейчас и направлялись мне навстречу.

(Barren Gates – Delete Us)

Они всегда ходили по двое. Иногда по трое, но очень редко. И внешне напоминали людей. Обычные мужчины, разве что всегда в черном, всегда крепко скроенные. Их еще издалека выдавали плащи, которые они носили в любую погоду – дождь, снег, морось, туман. Только летом их одеяния менялись на более легкие, но мрачные тона тканей сохранялись. Они никогда ничем не пахли, не повышали голос; от них, как рассказывали, невозможно было сбежать. Собственно, я и не пыталась. За всю жизнь меня останавливали двадцать один раз – просвечивали, просматривали, пугали до колик, отпускали. Каждый из этих разов я помнила очень отчетливо.

«Только не теперь, только не сейчас…»

Совершенных мной грехов этой ночью добавилось.

Сворачивать некуда. Переходить дорогу – все равно, что кричать «виновна!», все равно, что махать красной тряпкой перед шимпанзе. До спуска в подземку осталось сто метров – мне просто нужно пройти мимо. Просто. Мимо…

«Ни о чем не думать, сохранять спокойствие».

– Остановитесь, мисс.

Послышалось, когда мы поравнялись. И куда-то вниз ухнуло сердце.

Нужно было просто стоять.

Нет, вокруг не возникало силового поля, удерживающего тебя в ловушке, но всегда казалось, что оно есть. Их голоса, похожие на людские, звучали с неуловимым эхом.

«Просто стой. Просто не дергайся».

Я изменила этой ночью собственному парню. И не один раз…

«Это не считается. Мы не женаты…» Это не грех.

Я размышляла о том, как отомстить бывшему, я предложила взорвать его машину…

«Заткнись».

Верно. Просто не думай. Просто заткнись.

На них черные ботинки, как на военных. Плотные джинсы… Я никак не могла заставить себя поднять глаза на того, кто теперь стоял напротив. Один четко по прямой напротив тебя, другой всегда сбоку – страхующий? Или же при таком расположении внутри образовывался невидимый «контур»?

– Смотрите на меня.

«Зачем? За что?» Может, им просто нечем заняться? Улица пустынна…

Нет, это не больно – никто не ввинчивается в тебя буром, не разрывает мозг надвое. Вторжение вообще никак не ощущается.

Голос будто человеческий, и будто нет. Но больше всего меня пугало, когда в чужих зрачках появлялся вокруг радужки двойной обод, еще одно черное кольцо – страшно. А после тебя «вдыхали» – все твои мысли, чувства, воспоминания. Именно этот момент я переживала теперь с дрожью, с ледяной мыслью о том, что, если меня сейчас загребут, я не успею попрощаться с отцом. Не успею ни объясниться, ни обнять, и получится, как с его молодой женой… Меня вечером, если вдруг попытается, не найдет Форс, обо мне будет горевать примитивный, но искренний Итан…

Между этими двумя, которые взяли меня в «полуквадрат», я даже мерзнуть перестала.

Тот, кто сканировал – высокий мужчина с двойным кольцом в глазах, темноволосый, равнодушный, – походил на робота. Слишком безэмоциональный.

Я же успела ощутить все – стершееся в памяти прошлое, отстраненное будущее, которое может не сбыться. И лучше всего настоящее: эту улицу без людей, не разошедшийся еще окончательно утренний туман, чуть натертую промежность.

Кажется, я даже пахла до сих пор Форсом…

Секунды тикали медленно и громко.

«Больше всего будет жаль отца…»

Этого не существовало в реальности, но казалось, что пространство вокруг Девенторов клубится черным. Не увидеть прямым взглядом, но вот неверным боковым зрением… Их ненавидели все – дети, старики, женщины, мужчины. Их боялись больше, чем бога или черта, на них часто нападали. Люди больше не воевали друг с другом, никто не воюет внутри касты, когда появляется общий «враг». Никто до сих пор не был уверен, возможно ли их убить…

«Супермысли, когда один из них смотрит тебе в глаза. Так держать, Лори…»

Наверное, так называла бы меня мама, если бы не скончалась, когда мне было полтора года. Лори… Может быть…

– Вы свободны.

Когда это прозвучало, когда передо мной расступились, обошли и оставили стоять позади, как обгорелую балку после пожара, я поняла, что ноги мне не подчиняются. Что из мышц выкачали ток.

Еще раз ко мне подошли уже в поезде, в пустом качающемся вагоне. Дважды за одно утро? Невыносимо.

Когда в чужих глазах вокруг радужки – на этот раз голубой – возникло двойное черное кольцо, приятный женский голос как раз вещал на фоне: «Если вас остановят, не сопротивляйтесь, оказывайте содействие. Девенторы призваны держать порядок в нашем обществе. Помните, что они работают на благо и во благо…»

Этому никто не верил. Против них создавали отряды, подпольные силы сопротивления, целые фронты обороны и атаки – Девенторам было наплевать. Они просто были. Не воевали, как луна не воюет с теми, кто ненавидит

вызываемые ей приливы. И они опять меня просвечивали… Стук колес, качающийся вагон; экраны с рекламой у дверей – сейчас на ней вращалась пачка новой марки сигарет.

Они чуяли мою измену? Снова двое…

Их притягивали мои недавние мысли о мести?

Временно забылся даже Форс; все дерьмо проплыло перед глазами, пока я пыталась стоять, держась ослабевшей ладонью за поручень.

А когда меня отпустили, я упала на сиденье и поняла, что встать я теперь не смогу. Так и проеду свою станцию, так и останусь сидеть, как пьяный немощный старик, до конечной.

* * *

– Ты где была?

Отец завтракал по обыкновению очень рано – он тоже собирался на работу в воскресенье. Собственно, для него дни недели отсутствовали – офис, офис, офис. И спасибо, что не «шлялась», значит, волновался он больше, чем злился.

– Мне Итан звонил…

– Вечером?

– И вечером. И утром.

Черт…

В особняке тихо, значит, экономка Анна, приготовив завтрак, ушла, она вернется позже, чтобы убрать комнаты. На столе овсянка, тосты, джем, сок – привычный набор.

– Загулялась с подругами.

Мне адресовали укоризненный взгляд, мол, предупреждай своего парня сама, чтобы он мне не звонил. Проблема заключалась в том, что предупреждать его мне не хотелось, как и встречаться этим утром, чтобы начать выяснение отношений. «Как так можно? Кто мы друг другу?»

Я не знала, кто мы друг другу. Этим утром я не знала даже, кто я себе.

И потому я здесь, дома у отца. «Почти у себя», если бы эти комнаты, кроме моей наверху, ощущались мне родными.

Про «подруг» батя проглотил – он всегда считал женщин взбалмошными, непредсказуемыми и нелогичными. Меня тоже. И потому даже не пытался «нас» понять.

– Завтракать будешь?

– Не голодная.

Поем позже, проверю, что осталось в холодильнике.

А после нервная тишина.

– Тебя… не останавливали?

Он каждый день об этом спрашивал с тех пор, как забрали Маргариту. Девенторы. Их он опасался больше, чем потерять свои активы. Того, что они опять внесут в его понятную и размеренную жизнь боль и хаос, в очередной раз расколют мир надвое.

– Нет.

Соврать получилось легко, я давно врала. Точнее, говорила то, что он хотел слышать. Если бы призналась, что меня этим утром тормозили дважды, у него забарахлило бы сердце.

– Хорошо.

Он доел и почти сразу потянулся к зазвонившему в кармане телефону, вытер губы салфеткой.

– Да, знаю, – ответил коротко и рвано, – видел новости. Не знаю… Встретимся в офисе.

«Что в новостях?»

– Что-то случилось?

Он никогда не делился со мной проблемами, лишь отделывался отговорками.

– Проблемы. У всех, везде. Вся жизнь из них состоит… Я поехал, Вилора, буду поздно.

– Хорошо.

Он не обнял меня, уходя, лишь задержал на мне взгляд, а после просторный холл сохранил лишь запах его одеколона. Дорогого, подобранного консультантом в «Кристи».

Взревел за окном двигатель автомобиля.

* * *

(Danna Paola, MIKA – Me, Myself)

Комната в розовых, бежевых и персиковых тонах – такой отец видел спальню девочки. Ажурные белые полки; сатиновое покрывало. Обстановка в бунгало Форса – мягкая, уютная – нравилась мне куда больше. Она была настоящей. Здесь же все было напускным, живущим чужим воображением. Но к Итану этим утром? Нет.

Мой телефон, принявший накануне кучу неотвеченных вызовов, теперь молчал, как захлебнулся. Пусть. Я собиралась задернуть шторы и поспать – после жаркой ночи, экстренного расставания без «пока» и сразу четверых встреченных по пути Девенторов неустойчиво дрожало нутро.

Но сначала телевизор. Почему отец упоминал новости?

Засветившийся экран – веселый голос ведущей детского канала. Клик. Природа на «24/7 Релакс». Клик. Обзор матча по футболу, бегающие по полю игроки в белых и красных майках. Клик.

А после я вросла в кровать, на которой сидела – горел остов машины. И дом, дом за забором, где это случилось, выглядел очень знакомым.

– … а теперь к повтору утренних новостей, – вещала одетая в розовый костюм женщина с серьезным лицом. – Сегодня около шести утра на Хилтон-драйв прозвучал взрыв. Как мы видим, злоумышленники подожгли дорогой автомобиль, возможно, подорвали его взрывным устройством или гранатой. Владелец редкой коллекционной машины, ныне не подлежащей восстановлению, пока отказывается комментировать происходящее.

И да, на экране был он, Кэвендиш. Растерянный, злой, с красным лицом. Спросонья в халате, отмахивающийся от вспышек камер…

«Около шести утра? – крутил с визгом пыльные шестерни мой мозг. – В шесть утра Крейден был со мной. Точно». Потому что я проверяла телефон, проснувшись. На мне лежала теплая рука. Невозможное совпадение, машина Кэвендиша… Разговор на террасе… Быть не может…

Это не Форс.

«Совпадение?!»

Я ошалело смотрела на экран. Генри за эти три года, оказывается, сделался более грузным. Из статного парня почти превратился в желчного мужика, которым однажды станет, уже приобрел его черты. А рядом с пожарными, тушащими адово пламя («мне хватит одной…») и вовсе выглядел зажравшимся,

убитым деньгами пижоном. Давно же мы не пересекались.

Бергетта горела.

Меня поэтому останавливали патрули?

– Мистер Кэвендиш, как вы думаете, почему вашу машину взорвали? Есть ли у вас враги? Возможно ли, что это месть со стороны конкурентов?

Репортеры лезли к нему, как глисты в молодой организм. Генри отмахивался…

Я не знала, что он носит халат. Отстой. Сложно было теперь представить, что этот упырь мне нравился.

Бергетта горела.

Рука Крейдена, обнимающая меня ровно в шесть. Он не отлучался, не мог…

Телевизор я выключила, ощущая собственное пересохшее горло.

«Тебе стало легче?»

Эта смс пришла на мой телефон в девять. Номер незнакомый. Но кому еще он мог принадлежать?

«Как… так?» – настрочила я глупый ответ дрожащими пальцами.

Тишина.

«Стало?»

«Это ведь не ты?» Звук улетевшего вдаль сообщения.

«Я был с тобой. Ты знаешь».

Знаю. В том-то и дело.

Он написал. Эта мысль шла по мне фоновым теплом, она укутывала меня шарфом после внутренней зимы. Значит не «был». Значит «есть».

И стало ли мне легче? Да, черт возьми, стало! Очень! Этот план стоил осуществления, даже если это совпадение – провидение Господне. В чем я сомневалась.

Но, наверное, нельзя об этом в переписке. Кто знает, кто ее читает. И потому не нужно ни деталей, ни имен.

«Удивительно, что это случилось».

Мне хотелось, чтобы он писал еще. И еще.

«Да. Машины иногда… барахлят».

А после тишина.

Вдруг взметнулась мысль, что так красиво Форс, возможно, помахал мне на прощание. Ведь нет? Нужно срочно сохранить в телефоне его номер, нужно запомнить. Но, когда я перешла из смс в контакты, оказалось, что там, где раньше были цифры – нормальный мобильный номер, – теперь стоят нули. Одиннадцать нулей. Все, включая код страны.

Тупняк. Таким взглядом я могла смотреть только на изменчивую виртуальную реальность, которая неожиданно меня предала.

Номера больше не было. И да, я даже попыталась нажать дозвон, надеясь, что это шутка – женский голос сообщил мне, что я «ошиблась при наборе».

Черт… Я потерла лоб.

А после резко, все еще трясущимися руками нажала на иконку вызова мобильного отца.

Нормальные гудки. Раздраженный голос:

– Да, Вилора, я за рулем…

Он не любил отвлекаться во время вождения. На фоне гул двигателей, чей-то клаксон, музыка из радиоприемника.

– Ты ведь не будешь помогать ему покупать новую? – практически выкрикнула я психуя.

– Кому? Что покупать? – раздражения добавилось.

– Кэвендишу! Новую машину…

– Конечно, нет! У него есть зарплата, пусть покупает сам.

И батя отключился.

Вот теперь мне действительно стало легче.

Глава 5

(Jorge Mendez – Cold)

Дневной сон выходил рваным – я постоянно проверяла телефон. Даже в полудреме. Но Форс то ли слился из моей жизни, то ли я требовала слишком многого, ожидая его звонка так рано. Поматросил и бросил? Его взгляд прошлым вечером уверял в обратном, он молчаливо уверял в столь многом…

Я пыталась спать. Иногда у меня выходило. Розовый сатин покрывала на полу; ажурные салфетки на полках – даже во сне я этой комнате не принадлежала.

А после телефон все-таки зазвонил. В пять вечера, как оказалось.

– Послушай, – спрашивал отец взвинчено, – ведь это не ты? Ведь у тебя нет никакой связи со взрывом машины Кэвендиша? Генри только что ушел из моего кабинета, сообщил, что собирается нанять команду частных сыскарей, чтобы расследовать причины взрыва. Утверждал, что кроме тебя зла ему никто желать не мог, врагов не было…

– Меня?! – Я бы не проснулась резче, даже если бы получила булыжником по голове. И сразу же холодные ладони, ненависть в горле. – Мы сколько лет назад с ним расстались?!

– Я ответил ему то же самое. И все же он желает проверить твою причастность…

– Пусть проверяет, – «мразь».

– Ви… – Неприятная тишина. – Ведь мне… не придется стыдиться?

– Когда ты начнешь мне верить?

«Быть за меня, для меня. Против всего мира».

– Вопрос веры тут ни при чем…

«Причем».

– …все-таки я глаза корпорации, и компрометирующий момент мне не нужен…

– Знаешь, я иногда ненавижу тебя.

«Компрометирующий момент, значит. А вовсе не беспокойство за дочь». Как всегда. Голос отца несгибаемый, как ржавый рельс.

– Просто скажи мне, что на тебя он ничего не найдет.

– Пусть постарается.

– Ви!

– Не найдет! – рявкнула я грубо. – Потому что я ее не взрывала!

Правда. И не совсем.

Я была причастна. И неясно, от чего муторнее: от страха быть раскрытой, от недоверия отца, от наглости Кэвендиша?

«Нужно будет взорвать ему еще дом…»

В этом вся я. «Подставьте другую щеку…» – куда там.

Телефон умолк – отец нажал отбой. А в горле прогорклый, тухлый вкус, как будто я только что глотнула воды из болота.

Анна приходила, убиралась тихо, в мою комнату не входила. Оставила на полке холодильника сэндвичи с беконом и жареным яйцом – я сжевала один без аппетита. Похрустела чуть пережженной корочкой. Почему-то уцепилась взглядом за банку с пивом, стоящую в дверце. Достала ее, откупорила щелчком, раздобыла стакан. Пиво в него лила быстрее, чем нужно, и потому пена через край, прямо на скатерть – раздражения добавилось. Глотнула солодовый вкус, пытаясь заглушить горечь – почему батя не может быть просто за меня? По умолчанию, просто потому, что мы – семья. Ведь существует, наверное, реальность, где он забил на корпорацию, где наш дом меньше, но счастливее, где свода правил не существует, где никто не держит личину, где отношения с тем, кто любим, важнее работы…

Много чего, наверное, существует. Только как туда попасть?

С зазвонившим вновь телефоном взметнулась надежда – отец решил извиниться за грубость? «Ви, прости, я был неправ. Даже если ты „при чем“, я буду на твоей стороне. Я всегда на твоей…»

– Алло?

Нужно было посмотреть на экран, прежде чем отвечать, но я была слишком занята пивом.

– Ви?

Итан. Взволнованный, раздраженный, усталый.

И уже не отвертишься, что ты автоответчик. Почему я до сих пор его не настроила?

– Привет.

– Где ты была? – С места в карьер. – У отца?

Он знал, что не у отца, он звонил ему. Пытается подловить на лжи?

– Сейчас у отца.

– А ночью? Я искал тебя, знаешь, звонил сто раз…

Знаю. Видела.

– …ведь это нечестно, понимаешь, уйти в магазин и просто пропасть. Если захотела поехать куда-то еще, могла предупредить?

Я не собиралась никуда ехать. Это Крей решил, что «собиралась», а оправдываться – все равно, что глотнуть болотной воды еще раз.

– Знаешь, нам надо поговорить. Все эти… недомолвки…

«Твоя ложь, твое ко мне неуважение – взрослые люди так себя не ведут».

Нормальные не ведут. В общем и целом, я была с ним согласна.

– Так где ты была? Скажешь?

– Не скажу.

Иногда день преподносит тебе многократные выяснения отношений, как набор к обеду – первое, второе и компот. Жри, давись.

Тишина на том конце. Удручающая и тяжелая.

– Ты придешь сегодня?

– Не приду. – Слова, как признание, что только что расширившуюся пропасть между нами уже не перепрыгнуть. Но до финальных слов я не дозрела. – Видишь, предупредила.

Прозвучало желчно и почему-то фальшиво.

– Я… понял.

Он не был ни в чем виноват. Мы не выбираем, какими нам быть. Или выбираем?

После очередного отбоя стало ясно, что сидеть дома, ежесекундно сканируя телефон, плохая идея. Что я задохнусь в этих стенах, что не выдержу еще одного допроса, когда отец вернется домой. Что прокляну, если срочно не проветрюсь, и этот день, и всю свою жизнь заодно.

Мне нужен райд. Мне нужна скорость. Мне нужна свобода и бешеный адреналин, чтобы пульс зашкаливал, чтобы вся злость осталась на спуске.

Решено.

Из гаража я выкатила велосипед, на который садилась редко. Уже в пути вспомнила, что забыла защиту…

(Willyecho – Warriors)

Никогда до этого я не решалась прокатиться по этой трассе. Она не любила слабаков, она ломала им кости, и смелости мне недоставало.

«Дорога смерти» – вот как называли кряж Кантон-Пит. Двадцать километров опасных шпилек, сыпкого грунта и резких обрывов. Одно неверное движение, руль на миллиметр в сторону, и дальше в игру вступает судьба.

Сегодня мне нужен был этот подвиг.

Очень тонкий путь для колеса; на вершине трепал мои волосы ветер. Если доберусь вниз без несовместимых с жизнью травм, отпраздную свою победу по полной, буду собой, наконец, гордиться. И плевать, что думает обо мне отец.

Оттолкнулась я резко, вскочила на стального коня. И погнали…

«Давай, Ви, ты можешь…»

Мне нужен этот ветер в лицо, мир на грани, мгновенье, застывшее в одной секунде.

Навстречу грунт, булыжники; деревья по обочинам. Подскочил выше макушки и ударил в уши пульс. Схватились за поручни, окаменев, пальцы – давай, жизнь, поиграем! И смерть – давай поиграем тоже!

Дорога стремительно летела на меня, я летела по ней. Я справлялась, я управляла – так мне казалось. А временами делалось странно – дребезг, тряска, моя координация опаздывала на сотую долю секунды. На фоне я понимала, что реагировать нужно точнее, иначе быть беде, но мозг ликовал. Моя скорость! Сбылось! Пар наружу; на паре поворотов меня провела не ловкость, но одна сплошная, пока повернутая ко мне лицом удача…

Сумасшедшая Ви. Сумасшедшая…

Мое сознание отделилось от тела; пока задницу нещадно било о сидушку, пока неистово рвался из пальцев руль, оно плыло уже где-то над лесом, над обрывами, над травами и ельником.

Скорость все выше. Уже не я веду ее, а она меня – тот момент, когда почти теряешь контроль.

«Пиво зря…»

Координация запаздывала, но пока проносило шины мимо опасных булыжников, хватало сил увернуться.

Беззвучно мигала на задворках сознания красная лампочка, но ее глушил восторг от собственной решимости, адреналин.

Трасса, однако, слишком длинна. Я для нее слишком пьяна, несуразно нахраписта, невежлива. Через пару десятков метров полет через мини-каньон, через пропасть.

«Если перелечу… Если нормально приземлюсь, сверну и заторможу… Хватит…»

Чуть прибавить газу, выровнять руль, поднажать…

Вдруг мелькнула трусость. Я упаду, приземление будет плохим…

Иногда понимаешь вещи заранее, просто знаешь их, однако приходят они слишком поздно, и поменять решение ты не успеваешь – перед полетом через пропасть, перед подъездом к нему, я недопустимо трухнула, не успела ни подбодрить себя, ни толком собраться…

Поздно, не затормозить.

«Будь что будет!»

Но мой полет не случился.

Потому что затрещали вдруг сбоку кусты, потому что меня сбили с велосипеда точным ударом в корпус.

(2WEI, Edda Hayes – Pandora)

Только позже я поняла, насколько точно нужно было подгадать, чтобы слева от меня оказался куст. Чтобы я впечаталась в его густые ветки, как в подушку, и это при бешеном вращении колес. Насколько прицельно нужно было толкать, чтобы в овраг улетел только транспорт, но не я. Я же расцарапала щеку о невидимый шип, брякнулась черепушкой при падении о дорогу – зашумело в ушах, до беспредела замедлилось время. Заверещало неудачно впечатавшееся в грунт колено; провернулся против оси мир.

Крей. Это он пробился через заросли (в неведомом темпе… здесь же бурелом…). Как… когда? – мысли потеряли работоспособность. Дыхание тяжелое, в серых глазах сдерживаемое бешенство, губы сжаты. Лицо каменное.

Спустя пару секунд он уже тащил меня вниз к дороге, не обращая внимания ни на мою хромоту, ни на возмущенные крики, не реагировал на просьбу отпустить саднящее от его хватки запястье. Оказывается, снизу стоял автомобиль.

– Что ты… сделал? Как ты смел? А если бы я убилась на такой скорости?

Мой псих изливался наружу волнами. Вместе с ним тот самый кипящий адреналин и холодный страх.

– Хотела поиграть со смертью?

Голос жесткий, утыканный осколками стекла.

– Тебе какое…

– В пьяном виде! На Кантон-Пит!

Он не изрек это, он выплюнул.

«Я не пьяная! – хотелось орать мне. – Одна банка пива!»

Но мне уже вязали за спиной запястья веревкой, которую достали из багажника.

– Сумасшедший! Что ты…

«…делаешь?!»

Он вжал меня в бок черной машины; вязал очень быстро и очень профессионально. Ладони к запястьям, чтобы вышел плоский прямоугольник – спустя минуту я сообразила почему так. В этом положении руки не мешали сидеть, после ткнул меня в салон. Принялся обматывать веревкой, стягивая вместе лодыжки. Стянул до вскрика.

– Вообще рехнулся?! Отпусти! Что за…

Пристегнул, не обращая внимания на мои дерганья, двойным ремнем, хлопнул дверцей так, что я на секунду оглохла. Со злым выдохом сел на водительское место.

– Тебе нужны острые ощущения? Так?

– Да что ты знаешь о моем вечере! О моем настроении!

Кажется, он знал больше, чем достаточно.

– Хочешь, чтобы сегодня твоей щеки коснулось крыло смерти? Я покажу тебе.

Никогда я не видела его таким. Нет, тогда в постели я знала, что отказывать ему бесполезно, что тот, кто зовется Крейденом Форстоном, никогда не отдает бразды правления в чужие руки. Он не Итан, ждущий чужой инициативы, этот, если что-то решил, то покажет тебе «по полной».

– Развяжи! Выпусти!

Непробиваемый.

– Сиди. Наблюдай.

– Ты псих!

Я беспомощная, бесполезная. Я просто сарделька, обтянутая перекрестным ремнем безопасности, а за рулем… А знала ли я на самом деле того, кто сидел за рулем? Взгляд холоден, руки на руле.

Завелся мотор.

Вдоль Кантон-Пита шел горный серпантин.

Шины машины визжали на поворотах, меня на каждом из них вжимало то в дверцу, то кренило в сторону водителя. Ни звука, ни ползвука! Не покажу этому идиоту, что боюсь быстрой езды. Не дождется ни молитв, ни визгов! Не на ту напал! Однако, когда колеса зависали над пропастью, меня начинало мутить. Еще раз влево… Вправо… Влево… Черт, кажется, он водит еще лучше, чем трахается… Если это возможно. Сумасшедший драйв, беспредел там, где выше сорока километров в час нельзя.

– Хотел удивить?! Я знала, что ты… хорош… Не выйдет!

Плохо, не нужно зубоскалить не вовремя. Но бешенство прорывалось наружу и у меня. Как он посмел меня связать?

Поворот, поворот, поворот… Вот и прямой отрезок шоссе. Покачались, поболтались и все? Однако автомобиль продолжил разгоняться.

Черт, что происходит?

Настоящая паника подступила к моему горлу тогда, когда мы, миновав запрещающий стоп-щит, свернули на закрытую для транспорта трассу.

Там впереди доживал свой век старый поврежденный мост. Обрушившиеся частично опоры; высота под оставшейся частью почти двести метров – полное свободное падение вниз.

– Нет…

Вот теперь мой страх был настоящим.

– Не надо, не делай этого!

Сел даже голос.

Сюда иногда приезжали трюкачи-смертники – несколько человек в год. Иногда даже с друзьями, снимали все это на камеру. Убились те смертники все до единого, никто испытания выдержать не смог.

– Крей! – теперь я сипела, будто ремень передавил мне не грудину, но горло.

«Пожалуйста, нет…»

Ни у одной машины, ни у одного мотоцикла не хватило скорости. Я помнила те ролики – груды металла внизу, масса крестов по обочинам. К некоторым до сих пор носили свежие цветы.

– Крей!

Я уперлась ногами в коврик, попыталась выгнуться дугой, будто это чему-то могло помочь – мы въехали на мост. Впереди первая дыра-обрушение. Физика властна над всеми объектами, нам не хватит разгона, мы полетим вниз.

– Смотри. Чувствуй.

Самые жесткие слова, которые я слышала в жизни. Разгон такой, что меня вдавило в сиденье…

– Не надо…

Его бесполезно просить. Все бессмысленно. Холод в конечностях, холод в мозгу. Мгновенно выветрилось пиво, взорвала мысль о том, что я не попрощаюсь с отцом.

– Не надо… – я была готова заплакать.

А спустя секунду и бешеный рев мотора… мы полетели.

Мозг в моменты стресса теряет одни детали, замечает другие. Немой крик застрял в моем горле; машина парила. Под нами пропасть, над нами небо – сейчас мы рухнем. Приборная панель, мужские руки на руле. Свело от ужаса пальцы в кроссовках.

А после бесконечного, самого страшного мгновения в жизни, клацнули мои челюсти.

Когда колеса коснулись покрытия вновь.

Мозг даже не включился, не успел выдать реакцию, а впереди второй провал – в полтора раза длиннее первого. Еще одно ускорение; полное отсутствие эмоций в глазах водителя – просто тишина, просто лед.

«Смотри. Впитывай».

Здесь смерть не порхала над нами, она уже посадила нас в свою лодку.

Он убьет себя. Он убьет меня. Слюни вязкие; осознание того, что это последние кадры, которые мне суждено увидеть. Не паника даже, падение внутри себя – папа, я не хотела умирать так…

И бесполезно тормозить. Его черный конь взмылен; нажатие на приборной панели каких-то кнопок – заработала сзади невидимая турбина. Машина рванула вперед как самолет. «Не хватит… Все равно не хватит…» В лучшем случае капот поцелует сваи. Всмятку.

Орать не вышло, кончился воздух в легких.

И еще один полет над вечностью. Стресс в сто процентов, полуобморочное состояние; желание блевануть, отключиться, ослепнуть, оглохнуть до того, как… Нас уже нет. Мы есть только номинально, пока не сменится кадр, показывающий, как бьется о дно оврага машина. Лед в пальцах, лед в кишках…

Но мы неведомым образом смогли.

Он смог.

Когда покрышки, ударившись, взвизгнули на той стороне, я напоминала себе аморфный овощ, неспособный даже реагировать. Мне до конца жизни теперь жить в дурке со слюной у рта, мне теперь от ужаса не очнуться.

Мы не на дне.

Мы едем по разбитому гравию. Мы едем… Мы не упали… Я все еще на сиденье, которое не смялось.

Мужские руки на руле. Целая приборная панель.

Я не мычала и ничего не произносила, когда он развязывал мне руки, когда перерезал путы на ногах ножом. Ничего. Когда он достал меня из машины, когда поставил, как на суде, перед собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Booze – здесь и далее прим. автора

Купить: https://tellnovel.com/ru/veronika-melan/on-fors

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить